

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Еще в древности люди считали, что талантливый художник или скульптор, перенесший изображение живого человека на холст или воплотивший его в мраморе, обретает власть над душой своей модели. Он может высосать душу живого человека, замуровав ее в полотне. Многие современники Ильи Ефимовича Репина полагали, что невероятный талант гения живописи несет его моделям скорую смерть...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Проклятие Ивана Грозного и его сына Ивана



Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

**Проклятие Ивана
Грозного и его сына Ивана**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Проклятие Ивана Грозного и его сына Ивана /
Ю. В. Алейникова — «Эксмо», 2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-87371-5

Многие современники Ильи Репина полагали, что невероятный талант гения живописи несет его моделям скорую смерть... Так умерли вскоре после позирования Репину композитор Мусоргский, врач Пирогов, поэт Федор Тютчев. Трагически закончилась жизнь писателя Всеволода Гаршина, послужившего прообразом царевича Ивана для картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Даже этюд, написанный Репиным с Гаршина, обрел часть мистической силы, свойственной этому невероятному по силе и выразительности полотну... Варвара Доронченкова работает в небольшой фирме, занимающейся торговлей произведениями искусства, ее коллегу Сергея Алтынского знакомые приглашают оценить картину, доставшуюся хозяевам по наследству. Каково же было его удивление, когда выяснилось, что это пропавший еще до революции портрет Всеволода Гаршина работы Репина. Не успела фирма порадоваться открытию, как полотно исчезает, Сергея Алтынского арестовывают по подозрению в краже, а спустя два дня он тонет при загадочных обстоятельствах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87371-5

© Алейникова Ю. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	34
Глава 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Алейникова
Проклятие Ивана
Грозного и его сына Ивана

© Алейникова Ю., 2016

© Оформление. «Издательство «Э», 2016

* * *

*Бойтесь кисти живописца – его портрет может оказаться более
живым, чем оригинал.*
Корнелий Агриппа Неттесгеймский

Пролог

Май 1888 г.

Какими глаза вышли пронзительно-обреченными, и столько в них тоски и смертной муки, словно угадал Илья Ефимович будущую судьбу своего друга, словно накаркал, – вздыхал художник, глядя на стоящий на подрамнике этюд, написанный им со своего недавно почившего друга литератора Всеволода Гаршина.

Ах, боже мой! боже! Отчего так тяжело, отчего так горько? И ведь какой светлый, какой кроткий, какой талантливый человек ушел. Может, и правда это он виноват, сглазил, вытянул живую душу из человека и в полотно запрятал? Уж и так про него слухи поползли.

Привычно поглаживая рукой холеную острую бородку, грустно размышлял Илья Ефимович Репин, стоя перед портретом своего друга.

В обеих столицах натурастики с ним работать боятся. Хотя Модест Петрович Мусоргский и без того был плох, когда портрет с него писался, а все ж злые языки не преминули вспомнить, когда Гаршин скончался, что и Мусоргский умер после того, как Репин с него портрет написал. А Пирогов? Ну не от сглаза ведь помер он, от рака. А уж что про мужиков болтали, с которых он своих «Бурлаков...» писал, и вспоминать тошно. И мор-де на них черный напал, и одного за другим их нечистый прибрал, и всякую прочую чушь говорили.

Недавно одну бабу на улице встретил, хотел рисунок с нее сделать, три рубля предлагал. А она как услышала, с кем говорит, закрестилась, плюнула ему под ноги и антихристом назвала. Было неловко и обидно.

Илья Ефимович отошел от портрета Всеволода Михайловича Гаршина, того самого, которого взял за основу при создании образа царевича Ивана для картины «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.», обнял себя, с грустью вспоминая их последнюю встречу.

А обреченность на гибель еще при знакомстве читалась в лице его друга, тонком, прекрасном, таком одухотворенном.

Размышлял Илья Ефимович: «Как странно и как быстро все случилось. Мог я помешать, предотвратить?»

Неизвестно.

Илья Ефимович закурил, он вспомнил, как встретились они с Гаршиным случайно в Гостином дворе за неделю до трагедии. Их последняя встреча. Всеволод Михайлович был грустен, убит, расстроен. Вспомнилось, как он плакал в тот день, перед прохожими было даже неудобно. Как прятал слезы. И тоска в глазах, тоска и страх потерять рассудок. А Илья Ефимович очень его жалел, советовал из Петербурга уехать, развеяться, отвлечься. И ведь собирался же Всеволод Михайлович, собирался же. Двух дней не дожидаясь отъезда. Выбросился в лестничный пролет. Выбежал из квартиры, и... Илья Ефимович потерял глаза, словно боясь навернувшихся слез. Лицо дорогого друга стояло перед ним как живое, с обычным кротким сиянием лучистых, восторженных глаз. Вспомнились его слова, крик души.

– Знаете ли, я всего больше боюсь слабоумия. И если бы нашелся друг с характером, который бы покончил со мною из жалости, когда я потеряю рассудок! Ничего не могу делать, ни о чем думать... Это была бы неоценимая услуга друга мне.

Нет. Слишком тяжело было вспоминать, слишком свежа еще потеря. Илья Ефимович вздохнул, подошел к портрету и завесил его куском темного шелка.

Дверь кабинета со скрипом приоткрылась. Заглянула горничная, глуповатая, недалекая девица с толстой косой до пят.

– Ну, чего тебе? – устало спросил Илья Ефимович. – Ведь говорил же, не беспокоить меня.

Горничная помялась и, похлопав большими, какими-то по-коровьи бессмысленными влажными глазами, сообщила:

– Так барышня к вам.

– Какая барышня? Я же говорил, занят, не принимаю никого, – ворчливо ответил Илья Ефимович, сердясь на бестолковую девицу. И домашних, как назло, никого нет.

– Барышня незнакомая, а что не принимаете, я говорила. Так она плачет, настаивает, про господина Гаршина что-то упоминала, только я не разобрала что. Тихо говорила, да и вообще не понять.

При упоминании Всеволода Михайловича Илья Ефимович отчего-то разволновался, вскочил из кресла и стремительно вышел в прихожую.

В прихожей и впрямь стояла барышня. Бледная, с пышно взбитыми русыми волосами, в черной маленькой шляпке с пером и вуалью. Лицо ее округлое, с по-детски пухлыми щеками и маленьким, собранным бантиком ротиком не имело ничего общего с обликом покойного Всеволода Михайловича.

«А почему, собственно, оно должно иметь что-то с ним общее?» – с разочарованием спросил сам себя Илья Ефимович, напридумывал себе чего-то, нафантазировал за секунду, вот что значит художественная натура. Криво усмехнулся и спросил у незнакомки:

– С кем имею честь? – сухо зато спросил, даже чуть высокомерно.

– Савелова Елизавета Николаевна, – скороговоркой представилась незнакомка и сразу же без перерыва продолжила: – Вы меня не знаете, но я очень близкий друг Всеволода Михайловича. Была его другом, – поправилась, шмыгнула носом, поднесла к лицу зажатый в кулачке платочек. – Могу я с вами поговорить? – И быстро взглянула на горничную, стоявшую за спиной Ильи Ефимовича. – Это очень, очень важно. Я все объясню.

Репин сердито взглянул на горничную, потом на посетительницу. И после секундного замешательства сделал приглашающий жест в сторону кабинета, потом спохватился, предложил снять гостье жакет.

– Итак, сударыня? – присаживаясь в кресло напротив гостыи, по-прежнему сдержанно спросил Илья Ефимович.

– Вы не знаете меня, я думаю, он даже никогда не рассказывал обо мне, но мы были очень близки. Очень. – Елизавета Николаевна старалась говорить сдержанно, но волнение то и дело прорывалось в ее голосе, и взгляд, очень тревожный, чуть испуганный, выдавал ее внутреннее состояние. – Я знаю, вы человек современный и не осудите меня. – Снова платочек оказался возле лица и крепко сжатая в кулак ладошка. – Мы любили друг друга. Да, да, – видя на лице Репина готовность возразить, поспешила заверить гостыю. – Я знаю, теперь он женат. Но мы познакомились с ним в тысяча восемьсот восьмидесятом, у Писаревых. Он был тогда очень плох, одинок, потерян. Скитался. А потом вот у Писаревых... Я была очарована им, таким тонким, мятущимся, сперва это была жалость, потом любовь. Взаимная любовь, – прижимая к груди кулачки, горячо уверяла она Илью Ефимовича. – Я верю, что во многом благодаря мне он отошел тогда от края безумной бездны, все больше затягивавшей его. – Голос Елизаветы Николаевны дрожал, словно речь шла о событиях недавних, еще не утративших живой остроты. – Жениться он не хотел, не желал связывать меня, боялся своей болезни. Глупый. – Она горько покачала головой. – Я была бы рада, просто счастлива. Потом была психиатрическая лечебница в Харькове, брат его туда поместил, потом Всеволода Михайловича увезли на лечение в Петербург. Меня просили не писать ему, дать ему забыть о том печальном периоде, о его болезни. Я послушалась. Все надеялась, что он сам напишет, позовет. Но нет. Забыл, наверное, вместе с болезнью. А потом я узнала, он женился. И вот теперь...

Слезы, тихие, прозрачные, тонкими дорожками побежали по ее щекам. Илья Ефимович завозился в кресле, отводя глаза, ужасно жалея эту милую, славную девицу, впрочем, уже и не девицу, а взрослую, зрелую женщину. Не знал, что сказать, как утешить.

Но Елизавета Николаевна сама смогла взять себя в руки.

– Вы простите, что пришла к вам, но я когда узнала, что Всеволод Михайлович... – сглотнула она страшное слово, – сразу приехала. На кладбище была. Хотела с Евгением Михайловичем встретиться, просто поговорить, расспросить... – Глаза Елизаветы Николаевны были несчастными и виноватыми, – но там я узнала, Надежда Михайловна, жена... то есть сестра ее, то есть... Вы понимаете?

– Конечно, конечно, – закивал головой Илья Ефимович. Всеволод Михайлович и его брат женились на родных сестрах, потому, конечно, и неловко.

– Я знаю, он был дружен с вами. Я видела вашу картину «Иван Грозный...». Потрясающе! И царевич Иван! Как точно вы разглядели отчаянную обреченность, свойственную Всеволоду Михайловичу. Я потом неделю спать не могла. Так и виделась мне темная комната, и он на залитом кровью полу. Только я все не царевича Ивана видела, а самого Всеволода Михайловича. И вот теперь... – Она снова всхлинула. – Расскажите мне, умоляю вас, как это случилось. Я должна знать! Прошу вас, умоляю! В газетах ничего нет.

Илья Ефимович рассказал, сам едва сдерживая слезы, суховаты, немного отрывисто от волнения.

За окном сгустились прозрачные, летние петербургские сумерки. Легкие, нецеловимые, нерешительные, словно тончайшей серебристой кисеей накрывшие город. В комнате было тихо, даже легких вздохов Елизаветы Николаевны не было слышно. Они сидели так минут пять, думая о дорогом для них обоих человеке, вспоминая каждый о своем.

Наконец Елизавета Николаевна поднялась. Протянула руку, прощаясь.

– Благодарю вас, и простите меня, – сказала и закусила губу, медля выпустить руку Ильи Ефимовича. – Я знаю, что не имею права, но... У меня не осталось от него ничего, только несколько писем. Я думаю, вы понимаете, он навсегда останется для меня единственной любовью. Эти восемь лет и его смерть ничего не изменили. Я люблю его, люблю, как тогда. Хотя это, наверное, и глупо.

Илья Ефимович накрыл своей ладонью ее маленькую прохладную руку, словно в знак утешения.

– Что я могу сделать? – спросил он тихо.

– Может, у вас есть рисунок, набросок с него? На память, – нерешительно промолвила Елизавета Николаевна, доверчиво заглядывая в глаза художника.

Илья Ефимович решительно шагнул к портрету, сорвал с него темный шелк и, сняв с этюдника, протянул Елизавете Николаевне.

Глава 1

– Варвара! – Голос шефа звучал неприятными пронзительными нотами, рассекая Варины барабанные перепонки, словно острыми лезвиями. – Ты оценила, наконец, коллекцию этой старушенции? Как там ее?..

– Половодникова Зоя Спиридоновна, – подсказала Варя, отступая подальше от шефа.

– Именно. Ну? – Шеф двинулся следом за Варей, но визжать, к счастью, перестал.

Вообще-то у Александра Арнольдовича был вполне приятный голос, а в отдельные моменты, когда в разговоре с клиентом речь заходила о суммах с пятью и шестью нулями, в нем даже появлялись глубокие бархатистые ноты. Но вот в общении с подчиненными этот голос давал какой-то странный, необъяснимый сбой, что-то вроде нервного спазма, и становился отвратительно визгливым. Ну, просто как железом по стеклу.

Сейчас шефа, кажется, отпустило, и Варя, расслабившись, плюхнулась на свое рабочее место.

– Коллекцию осмотрела, есть несколько интересных рисунков, одно полотно предположительно кисти Ладюрнера. То ли гусары, то ли драгуны. В общем, типичная сценка с военными, – докладывала Варя, закатив глаза к потолку, чтобы не забыть чего важного.

– Что значит предположительно? Нам за «предположительно» не платят, – недовольно заметил Александр Арнольдович, одергивая твидовый жилет. – Ты с отцом консультировалась?

– При чем здесь мой отец? – тут же резко сменила тон Варя, взглянув на шефа сузившимися недовольными глазами. – Определение авторства требует более тщательного исследования, только и всего. А я эту картину всего один раз в руках подержала, состояние полотна так себе. Говорит, они его на даче прятали в трудные годы. И вообще... – Варя приготовилась разразиться длинной тирадой на тему собственного профессионализма, но шеф ее выступлений слушать не стал, а перебил новым вопросом:

– Еще что-то интересное было?

– Так, по мелочи. Часы каминные, две вазы, мелкая пластика, – недовольно буркнула Варя, все еще пыхтя, как паровоз, и бросая на Каменкова сердитые взгляды.

– Ладно. Опиши мне сегодня на стол, – задумчиво протянул Александр Арнольдович, – пошлем к ней Сергея. Пусть поторгует, заодно и полотно осмотрит. Серега?

Каменков обернулся к сидящему у него за спиной молодому человеку неблагонадежной наружности.

Сергей Алтынский, бородатый, точнее давно не бритый, слегка неряшливый и, как всегда, благодушный, сидел, вальяжно развалившись в рабочем кресле. Иначе он сидеть не умел. Он всем своим обликом и образом жизни поддерживал имидж «свободного художника», который органично лег на его недисциплинированную и бесхарактерную натуру еще в юности и намертво прирос к его теперь уже устоявшейся личности.

– Аюшки? – обернулся Сергей на начальственный оклик.

– Навестишь старушку?

– Без проблем, но не сегодня. Приятели подрядили картину какую-то посмотреть, у знакомых знакомых. Хозяева обещали проставиться. Так что сегодня я пас. А вот завтра на здорье. Где бабулька проживает? – обернулся Сергей к Варваре.

– На канале Грибоедова, – буркнула Варя.

Что, она сама не может с Зоей Спиридоновной договориться? Они уже, можно сказать, подружились, и вообще, это она Половодникову нашла. А точнее, Половодникова ее нашла. Через папиных знакомых. Но это не важно, потому что обратились именно к Варе, а не к папе. И при чем тут, спрашивается, Сергей? Да, может, Зоя Спиридоновна с ним даже разговаривать не захочет, при ее-то патологической недоверчивости и скрытности. Она Варе свои сокровища

по одному при каждой встрече предъявляла и клялась, что больше ничего точно нет. А в следующий раз зайдешь, а у нее еще что-нибудь припасено. Очень странная особа. Так что возможно, что Серегу с его бородой никто и на порог не пустит.

Впрочем, нет. Серегу как раз пустят, вздохнула Варя. Алтынский обладал невероятным, необъяснимым обаянием, которое особенно эффективно срабатывало на пожилых женщинах, и его небритая физиономия, и мятый поношенный пиджак неопределенного цвета, и вытертые бесформенные джинсы никак этому не мешали.

Варя еще раз вздохнула.

– Варвара, дай ему адрес и телефон старухи и предупреди Половодникову, – велел шеф и снова обернулся к Сереге: – Во сколько ты к ней заедешь?

– Давай в час, – решил Серега после короткого размышления. – Выплюсь с утра, может, даже побреюсь и двину к ней.

Каменков кивнул и скрылся в кабинете. Варя сердито плюхнулась на свое рабочее место. Когда начальство покидало их кабинет, она вскочила со стула, словно школьница перед учителем. А все проклятое воспитание и неуверенность в себе.

– Ты чего киснешь, Варвара? – подмигнул ей Алтынский, добродушно улыбаясь. – Из-за Половодниковой? Так не парься. Ты основную работу провела, старуху нарыла, а наше дело – вдове. Судиться, рядиться, торговаться. Ни радости, ни доблести. Превратился я из искусствоведа с большой буквы «И» в старьевщика, – плачущим голосом простонал Серега, потом энергично выпрыгнул из кресла и, поклонившись на три стороны, бодро попрощался: – Ну-с, господа, мне пора, меня ждут запеченный гусь и полотно неизвестного автора. Наверняка какая-нибудь чушь. Но хоть пожру на халяву. Чао!

И он удалился.

Варя взглянула на часы, остальные, как по команде, тоже.

В принципе рабочий день у Вари жестко не нормировался, но в их крошечной фирмочке считалось хорошим тоном досидеть на рабочем месте хотя бы до семи вечера, если так уж случилось, что в конце дня ты волей судьбы оказался в офисе. А потому и Варя, и Ольга Петровна, и Макар смотрели с тоской на циферблат, не предпринимая никаких попыток занять себя делом.

Трудилась Варя в маленькой, но хорошо известной в узких кругах коллекционеров фирме «Каменков и партнеры». За те восемь месяцев, что Варя проработала в фирме, никаких партнеров она не видела. Каменков был, а партнеров не было. Фирма занималась оказанием самого широкого спектра услуг. Она помогала состоятельным людям, мало смыслящим в искусстве, но желающим укрепить свой имидж respectableм хобби, формировать коллекции, разыскивала картины «под заказ» для коллекционеров опытных, представляла интересы своих клиентов на различных аукционах, помогала с вывозом и ввозом произведений искусства, проводила экспертизы или заказывала их в уважаемых организациях. Разыскивала и скупала пока еще неизвестные, но достойные внимания произведения великих и не очень авторов. И еще много чем по мелочи. Для чего в ее штате трудилось с десятков сотрудников. В том числе и Варвара Николаевна Доронченкова, двадцати четырех лет от роду, магистр искусствоведения, кандидат наук, искусствовед в четвертом поколении, с обширными родственными связями в интересующей фирму области.

Мысль о том, что именно наличие влиятельных родственников послужило главной причиной приема ее, Варвары, на работу в фирму, не давала ей покоя. Ей хотелось признания себя как личности, самостоятельной, независимой и самоценной. Пока что с этим было туго. Размышления Варвары были прерваны поднявшейся вокруг суетой. Ольга Петровна торопливо надевала плащ, Макар распахивал по карманам телефоны. Варвара взглянула на часы и тоже засобиравшись домой.

На следующий день Сергей появился только ближе к вечеру, видно, и впрямь решил выспаться.

– Вот, опиши предметы, примерная рыночная стоимость, в скобках то, на что мы сторговались, фотки в планшете, можете взглянуть, – вывалил на стол свою добычу Серега, а Варя завистливо поджала губы.

Ну, вот почему она сама не сообразила сфотографировать коллекцию? Потому что боялась спросить разрешения у капризной Зои Спиридоновны. Потому что это было первое ее самостоятельное дело, и она с ним не справилась. Варя потянулась за описью и с удовлетворением заметила, что картина «Уланы на привале» приписана Сергеем авторству Ладюнера. Заодно пробежалась по ценам и восхитилась оборотистости коллеги. Самой ей просто не хватило бы наглости и напористости так сильно сбить цену. По правде говоря, обобрали старушку, и всего делов. А ведь Варю рекомендовали Зое Спиридоновне как порядочную девушку, из честной семьи, а она что?

– Ну чего ты губы грызешь? Старушку жалко? – насмешливо спросил Серега, наблюдавший за Варей все это время. – Расслабься. Ты небось не знаешь, откуда у старушонки вся эта дребедень?

Варя покачала головой. Ей действительно не приходило в голову задать столь бестактный вопрос, и потом ясно, что по наследству, от дедов-прадедов или от мужа.

– А я вот между чаем с коньячком поинтересовался, – еще шире и добродушнее улыбнулся Сергей. Сегодня он был свежевыбрит и чисто одет, и улыбка его от этих факторов только выиграла. – Папаша твоей Зои Спиридоновны на продуктовом складе перед войной работал, и в начале войны тоже, потом уж, когда жареным запахло, то есть порядки ужесточать стали, он оттуда слился, а точнее, слился он после начала бомбежек, когда одно из складских помещений разбомбили, хранившиеся на складе продукты, как ты понимаешь, погибли, – многозначительно задвигал бровями Сергей. – И все это добро разномастное, которое я у Зои сторговал, было им выменяно на продукты у отчаявшихся, голодающих граждан блокадного Ленинграда. По сути, за бесценок. Так-то, голубушка, – нравоучительно закончил он и повернулся к прочим членам коллектива. – Эх, ребятки, как меня вчера потчевали! Вкусно, но мало. Перекусили по-быстрому, пару рюмочек опрокинули, еле-еле успел куриную ногу дожевать, гости к телику футбол смотреть потянулись, а меня на галеры, хавчик отрабатывать.

– И чего? Стоил гусь твоих усилий? – спросил Макар, насмешливо глядя на довольно шурящегося коллегу.

– Гм, – многозначительно прокашлялся Серега, – не знаю, откуда он к ним попал, но провалиться мне на месте, если это не портрет В. М. Гаршина работы самого Репина. Тот самый, чья судьба на данный момент была неизвестна. Тот, который он взял потом за основу образа царевича Ивана.

– Фиу! – присвистнул Макар. – Не ошибаешься? Может, это копия?

– Вряд ли, – без всякого кривляния ответил Сергей. – Конечно, изучить полотно как следует не мешает, и стоит еще кому-нибудь из экспертов показать, но я практически уверен в подлинности полотна.

– Сколько же оно стоит на сегодняшний день? – забывая про свои бумажки, поинтересовалась Наташа, занимавшаяся в фирме в основном проблемами ввоза и вывоза предметов искусства и контактами с таможей.

– Думаю, речь идет о цифре с шестью нулями в долларовом эквиваленте, – присаживаясь в кресло, проговорил Сергей. – Вот думаю, как теперь окучивать счастливых владельцев. Картина им не нужна, а бабки даже очень.

Глава 2

Дверь начальственного кабинета с грохотом распахнулась, и Александр Арнольдович появился на пороге, в громыхании грома и сверкании молний.

Таким его в фирме еще не видели. Всклопоченный, с бешено вращающимися глазами, сбившимся на сторону галстуком и прыгающей нижней губой.

– Живо, вы, все, – ткнув дрожащим указующим перстом в обомлевших сотрудников, проревел Каменков. – Где был Алтынский позавчера вечером? Что за Репин? Живо! – Последнее «живо» он завопил так громко, что хрустальные фужеры начала девятнадцатого века, недавно приобретенные у спивающегося потомка известной дворянской фамилии, стоявшие в витрине, испуганно зазвенели, а сотрудники онемели в священном трепете, утратив подвижность и способность мыслить. – Чего застыли? – бегая по лицам безумным взглядом, продолжал вопить ополоумевший Александр Арнольдович. – Какой Репин? Где он был? Ну?

Было тихое солнечное утро четверга. Самого Сергея на работе, как следовало из начальственных воплей, не было, а прочие сотрудники, присутствовавшие в фирме, тихо-мирно занимались рутинными делами. А потому фееричный выход шефа застал их врасплох и парализовал потрясенное сознание.

– У каких-то знакомых знакомых, – первой оправилась от шока Варвара, вероятно, в силу возраста, крепкого здоровья и не выработавшегося за годы защищенной, сытой жизни с родителями трепета перед начальством. – Картину оценивал, говорил, подлинный Репин, «портрет Гаршина».

– Андрей Павлович, ко мне, живо! – выцепив взглядом из толпы перепуганных сотрудников выглянувшего из кабинета юриста, приказал Каменков.

– А что случилось, Александр Арнольдович? – слегка растягивая слова, полным недоумения и легкого испуга голосом спросила Ольга Петровна, нервно теребя в ухе бриллиантовую сережку, некогда принадлежавшую княжне Гагариной.

– Что случилось? Что случилось? – набирая в грудь все больше воздуха, так что Варя стала опасаться, как бы он не лопнул, завопил Каменков. – Алтынского обвиняют в краже полотна! Репина! Вот что! – Ошарашив общественность, он громко застонал и скрылся в кабинете, подвывая: – Убил, без ножа зарезал! Все погибло! Репутация! Доверие к фирме! Все! Сволочь!

Юрист Андрей Павлович с непроницаемым лицом профессионала уже прикрывал дверь в начальственный кабинет.

Сотрудники отмерли и зашушукались.

Алтынского не арестовали. Своевременное вмешательство Александра Арнольдовича уберегло легкомысленного любителя даровой гусятины от «Матросской тишины», хотя, похоже, и ненадолго.

Сергей появился в фирме на следующий день, непривычно подавленный и колючий.

Коллегам едва кивнул и, плюхнувшись на рабочее место, демонстративно взялся за работу. Коллеги молча переглянулись и, проявив тактичность, вопросов задавать не стали.

Начальство подобным тактом не отличалось. Каменков, появившись в фирме после обеда и узрев трудолюбиво склонившегося над компьютером Алтынского, не стал разводить политеса, а попросту прямо с порога, не стесняясь присутствующих, по принципу «все свои», рубанул.

– Ты картину спер? – правда, выразился Александр Арнольдович резче и грубее, но суть вопроса была именно такова. – Колись живо, как на духу, – проревел он, едва сдерживая рвущееся наружу начальственное негодование. – Я вас всех насквозь вижу, попробуешь финтить,

я сам тебя придушу, четвертую на части, а потом сожгу и по ветру развею, чтобы ни одна душа на свете не нашла.

Варя такой кровожадности от изысканного, образованного и в меру воспитанного Александра Арнольдовича никак не ожидала, да и прочие сотрудники, кажется, тоже. Потому как сидели притихшие и даже слегка напуганные.

– Да я... Да вы... Да я никогда... – срывающимся от избытка чувств голосом лепетал Серега Алтынский, и слезы искренности стояли в его мутноватых серо-голубых глазах.

– Ладно, – мгновенно сдуваясь, насупленно проговорил Александр Арнольдович, отводя от Сереги свои пристальные, секунду назад горевшие обличительным пламенем глаза. – Верю, – он взял свободный стул и, поставив его посреди кабинета, сел на него верхом. – Соображения какие-то есть? Полотно-то пропало. А все же подлинный Репин, – многозначительно проговорил Каменков, словно подмигивая Сереге голосом.

– Не знаю. Я же не сыщик, – шмыгая носом, буркнул задетый за живое, натерпевшийся за последние сутки от полиции Серега. Но, помолчав немного, все же добавил: – Наверняка кто-то из гостей. Слышали, как я с хозяевами полотно обсуждал. Мы, между прочим, и цены вскользь коснулись. – А потом, как-то нехорошо покосившись в сторону, прибавил: – Я даже подозреваю кой-кого.

– Кого? – тут же оживился Каменков, мысленно уже что-то прикидывая и оценивая.

– Завтра поделюсь, – проявляя несвойственную ему прежде скрытность, пообещал Серега. – Можно мне сейчас домой пойти, надо кое-что по делу выяснить? – обнаглев, спросил он и, как ни странно, получил у Каменкова полнейшее на то соизволение.

– Наш-то, кажется, на картину глаз положил, – тихо шепнул коллегам Макар, едва за Каменковым захлопнулась дверь кабинета. – Серега, расскажи, чего с тобой в ментовке было-то? Сильно они тебя плющили? – тут же обратился он к Алтынскому, логично решив, что начальство дало добро на общественные дебаты по этому делу.

Остальные сотрудники, в том числе и Варвара, с любопытством уставились на жертву полицейского произвола. Никто из них ни на секунду не поверил в возможность совершения им кражи, слишком уж безобидным, легкомысленным и безалаберным человеком был Сергей Алтынский. Максимум на что был способен Серега, это переход улицы на красный сигнал светофора и распитие пива в неподобающем месте.

– Что, очень интересно? – угрюмо и недружелюбно отозвался Сергей в совершенно не свойственной ему манере. Вероятно, обрушившееся на него испытание нанесло серьезную душевную травму добродушному пацифисту и бонвивану. – Хочешь, намекну следователю, что ты имеешь отношение к этой истории, сможешь на своей шкуре опробовать все прелести общения с правоохранительными органами. А если повезет, они тебе еще и пришьют чего-нибудь.

Макар от такого предложения растерялся и с ответом не нашелся, а Алтынский, прихватив свой дежурный пиджак, торопливо покинул контору.

– Фью! Вот это да! – присвистнула тихонько директорская секретарша Алиса, она только сегодня вышла из отпуска, но о случившемся ЧП уже была извещена во всех подробностях.

Алиса обладала безупречной внешностью фарфоровой статуэтки. Точеные, несколько кукольные черты лица, кудряшки золотисто-русых волос, изящная миниатюрная фигурка и ясный, простодушный взгляд недалекой дурочки оказывали на мужчин, в том числе и клиентов фирмы, ожидаемое впечатление. Весьма ошибочное. Алиса была тонкой штучкой, весьма себе на уме. Образованной, меркантильной, с твердыми принципами и с ясными целями. Секретаршей она числилась лишь для отвода клиентских глаз, а по факту была личной помощницей директора с весьма широкими полномочиями и существенной зарплатой, значительно превышавшей зарплату специалиста по изобразительному искусству Варвары Доронченковой.

Каменков частенько брал Алису на встречи с клиентами в неформальной обстановке и в обязательном порядке на переговоры. Как советчика и отвлекающий фактор.

Некоторые недалекие клиенты и партнеры ошибочно полагали, что Алиса, точнее обладание ею, является частью заключаемой сделки, и, разумеется, жестоко ошибались. О чем их весьма безапелляционно извещали после подписания финансовых документов.

Макар, высокий, широкоплечий, весьма симпатичный, пользовавшийся уверенным успехом у противоположного пола, давно и безнадежно был влюблен в Алису и жутко ревновал ее практически ко всем клиентам фирмы, к директору, к юристу, а иногда даже и к Сереге, последнее было совершеннейшей глупостью, потому как Алтынский был явно птицей не того полета. Алиса Макара не поощряла и даже вроде бы как не замечала испытываемых к ней чувств, умело обходя в обращении с ним острые углы и не давая ему никак проявить своих чувств. О личной жизни Алисы никто в фирме ничего не знал.

Варвара Алисе в глубине души очень завидовала. И ее внешности, и ее независимости, и ее умению поставить себя в отношении с противоположным полом, в общем, всему. И дружбы с ней не водила, предпочитая общество Ольги Петровны и Наташи, которая занималась отношениями с таможней и на рабочем месте появлялась редко.

– Суровая взрослая жизнь накрыла нашего мальчика с головой, когда он этого и не ждал, – заключила Алиса нежным, почти детским голосом и, взмахнув густыми, длинными ресницами, вернулась к работе.

Макар смотрел на нее как замороженный.

Ольга Петровна с Варей переглянулись.

Больше в тот день история Серегиных злоключений не обсуждалась. На следующий день из Гамбурга прилетел давний клиент фирмы, и Каменков с Алисой были заняты приемом. Варвара занималась составлением каталога коллекции Половодниковой, Макар ездил в Русский музей за экспертным заключением, жизнь текла своим чередом, а в понедельник стало известно, что Сергей Леонидович Алтынский утонул.

Глава 3

1881 год

Тяжелым выдался тысяча восемьсот восемьдесят первый год для России. И в судьбе Ильи Ефимовича Репина он стал мрачным, нелегким, подернутым кровавой пеленой.

Первого марта трагически погиб от рук террористов император Александр II, третьего апреля состоялась казнь цареубийц – Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова, Рысакова.

– Ах, какие это были кошмарные времена, – вздыхал Илья Ефимович, – сплошной ужас... Я даже помню на груди каждого дощечки с надписью «царе-убийца». Помню даже серые брюки Желябова, черный капор Перовской...

А еще в начале весны Илья Ефимович писал портрет своего друга, к которому всегда чувствовал какую-то особую нежность, Модеста Петровича Мусоргского, писал его в больнице. Портрет получился предсмертным. Модест Петрович лечился от приступа белой горячки в военном госпитале, и дело, казалось, шло на поправку, и вдруг такая трагедия! Скончался Мусоргский в середине марта.

А уж по городу тут же поползли слухи. Сглазил, забрал душу, высосал, замуровал в полотно. Слухи и простонародные суеверия. А все ж неприятно. И горничная с кухаркой об этом шепчутся.

И все это, казалось, клубилось в воздухе удушливым мрачным дымом, наполняя собой и мастерскую, в которой Илья Ефимович работал над набросками к новой картине.

То ли события эти кровавые толкнули его к работе над Иваном Грозным, то ли недавние испанские впечатления от боя быков... Илья Ефимович до сих пор словно воочию видел этот пир смерти и ужаса. Милые, добрые, невероятно тактичные испанцы превращались на корриде в кровожадных первобытных варваров. Толпа ревела, как море. Ладони трещали, как митральезы, и оскаленные зубы на загорелых рожках представляли живой ад. Поистине, несчастья, живая смерть, убийства и кровь составляют такую влекущую к себе силу, что противостоять ей могут только высококультурные личности.

А может, услышанная недавно «Месть» Римского-Корсакова натолкнула его на эту идею, очень уж хотелось живописными средствами передать силу чувств, накал страстей, столь изумительно сильно переданных музыкой. А скорее все вместе. Но задумал Илья Ефимович большое полотно, Иван Грозный в самый момент совершения ужаснейшего, кровавого своего злодеяния, в момент убийства собственного сына, царевича Ивана. А точнее, сразу же после него, когда ужас содеянного охватывает детоубийцу, держащего в своих объятиях гибнущего, истекающего кровью родного сына.

Очень хотелось Илье Ефимовичу воплотить в живописи рожденное музыкой Римского-Корсакова настроение. А сюжет он позаимствовал у Карамзина, красочно описавшего события, то ли имевшие место быть, то ли нет, шестнадцатого ноября тысяча пятьсот восемьдесят первого года. В этом году, можно сказать, «юбилей».

Илья Ефимович встряхнулся, отгоняя тревожные, гнетущие мысли, и взялся за карандаш.

Идея картины влекла его, звала за собой, словно давая выход накопившемуся в душе ужасу увиденного и пережитого. Гнетущие впечатления тяжело начавшегося года, трансформируясь глубоко в душе, находили спасительный выход в работе, наполняя трепетной, страстной энергией, даря какое-то горячее возбуждение. Даже выглядывая в окно, Илья Ефимович видел не современную Москву с экипажами и чистой публикой, а ту глухую, с лабазами, высокими заборами, боярскими палатами, деревянными мостовыми, по которой проносились с гиканьем лихие опричники, пугая торопливых прохожих, заставляя, испуганно

крестясь, жаться к заборам бородатых мужиков и румяных, ярко принаряженных баб в платках и киках.

Захватила, оххватила его эта идея. Влекла, манила, изматывала, лишала покоя, а потом, утомленного, опустошенного, гнала прочь, вызывая разочарование, тогда Илья Ефимович прятал полотно, уставший, истощенный поисками, словно потерявший интерес, обращался к другой картине, пока волна трепета и веры в свои силы, понимания, что вот сейчас, сейчас все получится, не возвращала вновь к страшному полотну.

Глава 4

– Как утонул? – ахнула Ольга Петровна, глядя своими светлыми наивными глазами в суровое, подобающее случаю, лицо Александра Арнольдовича. – На смерть?

Александр Арнольдович выразительно взглянул на экзальтированную даму, но ответил все же на поставленный вопрос попросту, без издевки.

– Пьяный в канал нырнул. Может, придурился, а может, несчастный случай, – вздохнул он. – Как теперь узнаешь? Зато теперь совершенно очевидно, что дело с кражей полотна повесят на Серегу. Потому как на покойника свалить всегда проще.

– Не может быть! – возмущенно воскликнула Варя, по молодости лет еще не утратившая наивную детскую веру в закон и справедливость. – У них доказательств никаких нет, и картину у Сергея они не найдут.

– Ну-у, – безнадежно протянул Александр Арнольдович, – нашла довод.

– Александр Арнольдович, – тактично покашлял из-за директорской спины выглянувший из своего кабинета юрист Андрей Павлович. – Там по Питеру криминальные новости идут...

– И что? – тут же напрягся, предчувствуя катастрофу, Александр Арнольдович.

– Сообщили, что в канале Грибоедова выловлено тело мужчины, подозреваемого в недавно совершенной краже картины Репина, находившейся в частном собрании, некоего Сергея Алтынского. Про нашу фирму не упомянули, но... – тревожно намекнув, замолк на полуслове Андрей Павлович. Он вообще умел уместно, многозначительно умолкать, предоставляя окружающим самостоятельно домысливать все возможные ужасы надвигающихся событий. Очевидно, предполагая, что за спасением от грядущих ужасов они кинутся к нему, а он соответственно драматизму ситуации заломит за свои спасительные услуги немалый гонорар.

Во всяком случае, Варвара рассматривала его приемчики именно таким образом. Сама она в услугах Андрея Павловича не нуждалась, никогда ничего не боялась, кроме, разумеется, собственной профессиональной несостоятельности, а потому могла себе позволить непредвзято и хладнокровно анализировать происходящее. Возможная потеря фирмой репутации и ее дальнейшее разорение Варвару так же не сильно беспокоили. В конце концов, философски размышляла она, эта фирма не единственная в Питере, можно устроиться и в другую. Ну, или в музей, или в галерею. Что-нибудь наверняка подвернется. Размышления ее были весьма наивны и прочими сотрудниками фирмы явно не разделялись, что легко читалось по их встревоженным лицам.

– Александр Арнольдович, а как же мы? – испуганно пискнула Ольга Петровна, она слыла в фирме особой по-детски эмоциональной, и к ее простодушным реакциям все уже давно привыкли.

Вопреки ожиданиям, Каменков на сообщение юриста не разразился воплями в стиле: «убил, без ножа зарезал», а напротив, молча призадумался, проявив достойную настоящего мужчины выдержку.

– Значит, так, – по окончании размышлений веско сообщил он. – Андрей Павлович, свяжитесь с органами на предмет неразглашения, клеветы и прочего. Пусть впредь воздержатся от неосторожных заявлений.

Юрист с достоинством кивнул и удалился.

– Дальше. Ждать чуда от полиции не приходится, спасти собственную репутацию придется самим, – продолжил сдержанно, но сурово Александр Арнольдович, – необходимо снять с фирмы всяческие подозрения, точнее с покойного Алтынского. Еще лучше разыскать Репина. Заниматься этим вопросом придется всем, – предвидя возможные возражения сотрудников,

он чуть повысил голос и, поочередно задерживаясь взглядом на каждом, продолжил: – Да, вы не сыщики, но поиск предметов искусства – наша специализация. Так что глаза боятся, а руки делают. И вам, Ольга Петровна, тоже придется включиться, – отдельно отметил он, глядя на надувшую губки даму. – Варвара. – Варвара тут встала навытяжку. – Выясни адрес владельцев Репина, смотайся к ним, поговори, выясни, почему подозрение пало именно на Алтынского и кто еще был в тот вечер у них в гостях. И кто вообще знал о картине. В общем, выясни, что сможешь. Короче, пошевели мозгами, ты девица с головой, я на тебя надеюсь, – бросил Варваре неожиданный комплимент директор, чем поверг ее в полнейшее недоумение.

Она полагала, что директор на ее счет придерживается иного, менее лестного мнения. Что ж, приятно, однако. Варвара приосанилась и села на место со значительным видом.

– Макар, – продолжил Каменков, – провентилируй обстановку в коллекционерских кругах, побеседуй ненавязчиво с людьми, только, прежде чем соваться к кому-то, придумай уважительный повод, о Репине только вскользь говори, – наставительно заметил директор, – начни с Абрама Григорьевича, он наверняка уже нос свой запустил в это дело, еще сюжет о Серге не успел закончиться. Впрочем, – остановил он сам себя, – лучше я сам с ним встречусь. Этот хитрый лис с тобой разговаривать не станет. А ты найди людишек помутнее. Помнишь мужика, который нам помогал Серова в прошлом году достать? – Макар кивнул с кривоватой усмешкой. – Вот, вот. С ним тоже. Теперь Наталья. – Он обернулся к специалисту «по связям с таможней», как называли Наташину должность в фирме. – Предупреди о возможных попытках вывоза, намекни, чтобы в случае чего нас известили первыми.

Наташа – высокая костистая брюнетка – коротко кивнула и, прихватив телефон, вышла в коридор.

– Алиса, – проговорил Каменков и задумался, потом тем же неспешным, словно нерешительным голосом распорядился: – Возьми-ка ты на себя прокуратуру. Или пока рановато?

– Пока рано, – своим детским очаровательным голоском подтвердила секретарша. – Лучше я текущими заказами займусь, пока вы все Репина ищете.

– Ладно, – согласился после секундного колебания Каменков. – А Ольга Петровна... – проговорил он, с сомнением глядя на накуксившуюся даму.

– А Ольга Петровна пока мне поможет, – подсказала ему Алиса.

– Именно, – с облегчением согласился Александр Арнольдович.

Ольга Петровна с благодарностью взглянула на Алису, но глаза секретарши сверкнули в ответ подозрительной насмешливой искоркой на Варин взгляд, не обещавший Ольге Петровне сладкой жизни.

Ей уже давно казалось, что Алиса слегка инфантильную, несколько жеманную, чуть капризную Ольгу Петровну недолюбливает. Ничего удивительного. Варю и саму иногда раздражала манера Ольги Петровны вести себя словно шестнадцатилетняя девочка, это в ее-то сорок с хвостиком! Впрочем, избалованная мужем, бездетная Ольга Петровна, вероятно, и ощущала себя таковой в глубине души, хотя это ощущение уже давно вступило в жестокое противоречие с суровой реальностью.

Раздав указания, директор покинул их кабинет, а перед Варварой встала первая непростая задача, как раздобыть координаты злосчастных владельцев похищенного Репина.

– Посмотри у Серге на столе, среди бумажек, – вдруг ни с того ни с сего проговорила Алиса, обращаясь к погруженной в раздумья Варваре.

– Что?

– На столе у него поищи среди бумажек, – повторила свой совет Алиса. – Тебе адрес владельцев Репина нужен?

– Да.

– Серега всегда все записывал на клочках бумаги, потом переносил в смартфон. Если адрес ему диктовали, когда он сидел на работе, вполне возможно, ты его отыщешь на столе.

– Точно, – Варя с благодарностью кивнула Алисе. Не такая уж она и противная.

Бумажка нашлась, правда, не сразу, да и разобрать, что сия записка относилась именно к Репину, а не к чему-то еще, помогло лишь начерканное после буквы «Р» слово «гусь», затем шел адрес, и все.

– А как же я их имена узнаю, у Сергея только адрес записан? – ни к кому особенно не обращаясь, вслух поинтересовалась Варя.

– А ты в адресную программу загляни, там фамилии собственников квартиры имеются. Или в телефонную базу, если у них стационарный телефон есть, то фамилия абонента будет указана, – вновь посоветовала Алиса, и Варя взглянула на нее с уважением.

Звонить Булавиным, так звали владельцев пропавшей картины Репина, из офиса Варя не хотелось. Во-первых, слишком много внимательных глаз и ушей вокруг, а во-вторых, Варя совершенно не представляла, что можно сказать людям, которые уверены, что твой коллега украл у них многомиллионную ценность. А ждать очередной подсказки секретарши было стыдно.

Действительно, что сказать, чтобы тебя выслушали? И Варя, улучив момент, когда Алиса зачем-то зашла в кабинет к Александру Арнольдовичу, тихонько смылась из офиса.

Варваре Николаевне Доронченковой в этом году исполнилось двадцать четыре года. Была она дипломированным искусствоведом, окончила сперва Академию художеств, получила степень магистра, затем окончила аспирантуру и после блестящей защиты вышла в большой мир искусства.

Большой мир оказался на поверку маленькой фирмой, занимающейся торговлей произведениями искусства. Но дело было не в фирме, а в искусстве. И даже не в искусстве, а в фамилии. Как мечтала Варя иметь фамилию Иванова, или, скажем, Соколова, и не встречать в глазах коллег и преподавателей этой знакомой искры узнаваемости, и не слышать приевшегося, наскучившего вопроса.

– Доронченкова Варвара Николаевна? – А потом взгляд над очками. – Вы, случайно, не дочь Николая Васильевича?

Дочь Варя была дочерью профессора Николая Васильевича Доронченкова – известного всему Петербургу и не только специалиста по русской живописи. Внучкой профессора, почетного академика, члена-корреспондента и прочее, и прочее Василия Павловича Доронченкова и внучкой Анны Витальевны Доронченковой-Косиновой, тоже профессора и тоже искусствоведения, и пра-внучкой Павла Петровича Доронченкова, академика Императорской Академии художеств. Учебниками, монографиями, статьями и прочими трудами ее предков были полны все научные библиотеки, вплоть до библиотеки Академии наук.

И хотя Варина мама не имела к искусству никакого отношения, а напротив, преподавала сопронат в одном из вузов Петербурга, Варя росла в искусствоведческой среде. Будучи девочкой воспитанной и послушной, она с детства допускалась за взрослый стол и, когда семья принимала гостей, частенько становилась свидетелем научных споров, дискуссий или просто обсуждений. Под влиянием среды у нее рано сформировался свой взгляд на искусство, свои теории и мнения, которыми очень дорожили отец и бабушка – дедушка, к сожалению, к тому времени уже умер – и всячески поощряли в Варя самостоятельное мышление. Лет в четырнадцать она, как равная, участвовала во взрослых беседах, а научные авторитеты с мировым именем всегда были для нее просто тетей Олей, дядей Леней, дядей Сережей. Вследствие чего она не испытывала никакого трепета перед громкими именами и чувствовала себя со взрослыми – образованными, титулованными регалиями и званиями – на равных.

Варя была абсолютно довольна своей жизнью. Она жила в просторной комфортной квартире, в стабильном достатке, общалась с интересными, умными, образованными людьми. Училась Варя в элитной гимназии, училась отлично и без усилий, ни в чем не знала отказа,

поскольку была единственной внучкой и дочкой. Чувствовала себя защищенной, любимой, умной и красивой и не испытывала никаких подростковых комплексов. Среди сверстников ощущала себя легко и раскованно.

В Академию поступила самостоятельно, без всякой протекции и до начала учебы в ней чувствовала себя совершенно счастливой и довольной жизнью. Проблемы начались после и как-то постепенно. И начались именно с этих «узнаваний». Варя вдруг почувствовала груз четырех поколений «великих» искусствоведов на своих плечах и пристальный, изу-чающий, критический взгляд окружающих, оценивающих каждый ее доклад, реферат, курсовую. Среди преподавателей оказались как поклонники ее семьи, так и недоброжелатели и оппоненты. Но и те, и другие с интересом наблюдали за студенткой Доронченковой. Соответствует? Тянет? Или же на ней, как на большинстве отпрысков достойных людей, природа отдыхает? Даже студенты, однокурсники и одногруппники, поменяли свое к ней отношение.

Успехи? Ну, конечно, у нее же папочка. Неудача! Так ей и надо, сама без родителей ни на что не способна! К третьему курсу у нее совершенно не осталось друзей. Она вдруг превратилась в какого-то изгоя. Дольше всех с ней «дружили» предприимчивые ребята, рассчитывавшие получить некие дивиденды от такой дружбы, но, поняв, что Варя никакой протекции им не составит, они потеряли к ней всякий интерес. А Варя полностью погрузилась в учебу. Теперь она не могла позволить себе ни единого промаха, чтобы не порадовать «доброжелателей» и не уронить престиж семьи. Дома она о своих проблемах, разумеется, не рассказывала, чтобы не огорчать родителей, но именно тогда у нее стали возникать первые смутные мысли о смене фамилии.

К моменту защиты кандидатской Варя превратилась в закомплексованную, потерявшую веру в себя неврастеничку, мечтающую вырваться из тисков семьи и Академии в большую, независимую, самостоятельную жизнь, при этом желательно сменив фамилию.

Последняя идея приобрела оттенок психопатической навязчивости, от чего все ее прежние кавалеры и немногие вновь появляющиеся на горизонте пускались наутек, едва разглядев в Варваре маниакальную тягу к ЗАГСу.

Так что Варварина личная жизнь в данный конкретный отрезок времени фактически была равна нулю. Профессиональная самодостаточность и независимость весьма сомнительны. Проживала Варя до последнего времени с родителями, и лишь отъезд на три года в Америку ближайшей подруги позволил ей временно вырваться из родного гнезда и поселиться в квартире последней.

Так что несложное задание шефа встретиться с владельцами пропавшего Репина натолкнулось на Варины многочисленные комплексы запоздалого переходного возраста. А точнее, на разъедающую ее личность наподобие ржавчины неуверенность в себе.

Как она позвонит этим людям, что скажет? Ведь они считают Сергея виновным в краже картины, а следовательно, и фирму, и ее саму. Ее, в краже! Нервно облизывая эскимо, возмущенно размышляла Варя.

Да, но ведь ни она, ни фирма, ни покойный Алтынский не имеют к исчезновению никакого отношения. А Каменков даже мечтает эту самую картину отыскать!

Вот что она должна сказать Булавиным! Точно! С этой позиции надо строить всю беседу. Мы честная фирма, нам неприятна сложившаяся ситуация, и мы хотим очистить от грязного пятна память погибшего товарища. Немного патетично, но в целом неплохо, заключила Варвара и взялась за телефон.

Однако добиться встречи с семейством оказалось не так просто. Беседуя с госпожой Булавиной, Варя то и дело вспоминала Алису, вдохновляясь ее настойчивостью, целеустремленностью и волей. Помогло.

Глава 5

Май 1888 г.

Илья Ефимович вытер руки, поставил на место кисти и обернулся к гостю.

– А у меня, дорогой Павел Петрович, вчера интересная гостья была, – проговорил он, подходя к дивану и усаживаясь рядом с крупным, упитанным профессором Доронченковым, больше похожим на вологодского купца, нежели на профессора Академии художеств. Павел Петрович имел густую седую шевелюру и округлую пышную бороду, его широкая могучая грудная клетка едва уместилась в светло-сером стортуке, а элегантный галстук топорщился на груди словно от возмущения.

– Кто ж такая, позвольте полюбопытствовать? – мягким низким голосом поинтересовался профессор, закуривая тонкую пахучую сигару.

– Да вот знаете ли, – печально вздыхая и глядя на свои натруженные руки, проговорил Репин. – Был я вчера вечером дома, мои все разъехались, а я как-то загрустил в одиночестве. Всеволода Михайловича вспомнил, у меня как раз его этюд на подрамнике стоял. А тут горничная заходит, говорит, там вас барышня какая-то спрашивает, что-то про Гаришина объясняет. Я так разволновался, – улыбнулся смущенно Илья Ефимович, – словно мне сообщили, что это он сам пожаловал или с известием от него.

– А кто же пришел? – с любопытством глядя на художника, спросил Павел Петрович.

– Пришла барышня, бывшая возлюбленная Всеволода Михайловича, еще из той его неженатой жизни, – механически растирая правую больную руку, пояснил Илья Ефимович. – Милая такая барышня. Она знала Всеволода Михайловича в тот непростой период его жизни, после визита к Лорис-Меликову, вы слышали эту историю?

– Да, да. Всеволод Михайлович умолял графа отменить смертные казни, – взволнованно подтвердил Павел Петрович. – Удивительной, почти детской чистоты был человек.

– Вот именно. Удивительной чистоты, – покивал Илья Ефимович, чувствуя, как слезы вновь застилают его глаза. – Так вот, они познакомились, когда он странствовал. А потом Всеволода Михайловича поместили на лечение на Сабурову дачу. И эту даму, не будем называть ее имя, попросили его не беспокоить, дать ему возможность прийти в себя, обрести душевное равновесие. Она послушалась, они расстались.

– А потом он женился, а она его все эти годы любила? – предположил с мягкой, добродушной улыбкой Павел Петрович.

– Вот, вот. Именно так, – совершенно серьезно подтвердил Илья Ефимович, вспоминая искреннее страдание на лице вчерашней своей гостьи. – Она попросила рассказать, как он умер, и дать что-то на память о Всеволоде Михайловиче. Я подарил этюд и, признаться, очень этому рад.

– Щедрый и благородный поступок. Впрочем, другого от вас и не ждал, – неуклюже поворачиваясь к Илье Ефимовичу, проговорил профессор. – А этюд был прекрасный. Очень живой, и Всеволод Михайлович на нем такой, знаете ли... – Павел Петрович задумался, подбирая слово, – не знаю, как и сказать, но иной раз взглянешь на него, так и кажется, что он к беседе общей прислушивается, вот сейчас скажет что-то. А то нахмурится неодобрительно. Удивительно мастерски вы его написали.

– А я, знаете ли, рад, что отдал, – хлопнул себя по колену Илья Ефимович. – Очень тягостные мысли он на меня навевал, а убрать его рука не поднималась. А вообще, Павел Петрович, – неосознанно понижая голос, проговорил Илья Ефимович, – есть что-то нехорошее во всем, связанном с этой картиной. «Царь Иван» словно затягивает в какой-то темный кровавый омут все, что имело к нему касательство, – сердито хмурясь, проговорил Илья Ефи-

мович. – *Поймите меня правильно, я человек не суеверный, но больно уж все один к одному. – И он взглянул на свою усохшую, неживую руку.*

– *Ну, что вы, дорогой мой, что вы? – полным теплого сочувствия голосом пробасил профессор, робко поглаживая Илью Ефимовича по руке. – Это пройдет, еще вылечат, в Германию съездите на источники.*

– *Не-ет, Павел Петрович, – покачал головой Илья Ефимович, – нет, это уж так и будет. Не вернуть мне руку. Я уж каким только светилам не показывался. Забрал Царь Иван силу из моей руки, высосал ее. Это ведь после него у меня правая рука отнялась, а потом сохнуть начала. Когда над этой картиной работал. Теперь вот левой пишу, счастье еще, что мне это под силу.*

– *Да ну, бросьте, дорогой, себя так накручивать. Совпадение это, мы же с вами люди современные, не мракобесы какие, – гудел полным доброго сострадания голосом Павел Петрович.*

– *А вы знаете, что, когда ее в галерее у Третьякова выставили, были случаи, что женщины в обморок перед картиной падали, дети к ней подходить отказываются, плачут от страха?*

– *Это не мистика, а мастерство ваше, талант, – укоризненно заметил Павел Петрович.*

– *Ну, хорошо. А что тогда с Григорием Григорьевичем? – вскинул голову Илья Ефимович. – Ведь он после того, как мне для «Царя Ивана» позировал, едва собственного малолетнего сына не убил! – страдальчески воскликнул художник.*

– *Дорогой мой, да ведь все знают, что Григорий Григорьевич при всем его таланте личность, можно сказать, не в обиду ему, диковатая и даже иногда пугающая. Мальчика, безусловно, жалко, но вы-то тут при чем? – взмахнул большими широкими ладонями Павел Петрович и сложил их перед собой, словно птица крылья.*

– *Нет. Это все она, картина. Это Иоанн Васильевич творит. Разбудил я его душу, разворошил, потревожил. Вот и мстит он мне, – тяжело вздохнул Илья Ефимович. – Вот и Всеволод Михайлович рано ушел из-за него. Точнее, из-за меня.*

– *Глупости, – решительно возразил Павел Петрович, поднимаясь с дивана и, заложив руки за спину, принялся размашисто мерить мастерскую шагами. – Глупость и нервы. И не к лицу вам это! Не к лицу! Чего выдумали? Во всех вселенских грехах себя обвинять, за чужие безумства на себя ответственность возлагать! Нет, Илья Ефимович, вы уж нас, грешных, собственной воли не лишайте, а не то вот пойду я на речку в мороз купаться, да и утону по собственной дурасти, кальсонами, простите, за корягу зацепившись. Так вы и тут свою вину углядите?*

– *Нет, тут не угляжу, – улыбнулся, словно оттаивая, Илья Ефимович.*

– *Вот и правильно, – улыбнулся ему в ответ Павел Петрович. – И там не надо.*

– *Ох, если бы это было правдой, – с надеждой в голосе проговорил Илья Ефимович. – Дай бог, чтобы этой милой барышне мой подарок принес счастье.*

– *Не сомневаюсь, так и будет. Если не счастье, то уж утешение во всяком случае точно, – проговорил Павел Петрович, подходя к Илье Ефимовичу и кладя руки ему на плечи.*

Глава 6

– Проходите, – сухо пригласила Варю хозяйка, распахивая входную дверь. – Обувь можете не снимать.

Варя благодарно кивнула и прошла за хозяйкой в гостиную. Квартира Булавиных была самой обыкновенной. Современный ремонт, обычная не очень дорогая мебель, никаких предметов искусства, никакого антиквариата. Очевидно, Репин попал к ним случайно, надо будет уточнить, как именно, – сделала для себя пометку Варя.

– Анна Алексеевна, как я вам уже говорила по телефону, наша фирма хочет помочь вам вернуть полотно. Обвинения в краже, которые выдвинула полиция против нашего коллеги, бросает тень не только на покойного Сергея Алтынского, но и на нашу фирму. Так что мы этот вопрос считаем делом чести, – серьезным, взвешенным тоном произнесла Варвара. Упоминание ею «дела чести» вызвало на лице хозяйки неприятную и неуместную кривую усмешку.

К счастью, Варины комплексы притуплялись, или скорее засыпали, когда дело касалось людей обычных, не связанных с искусством, или повседневных дел, не имевших отношения к ее профессии и работе. А потому, слегка приподняв брови, Варя заметила холодным неодобрительным тоном:

– Вы напрасно улыбаетесь, Анна Алексеевна. В нашем бизнесе честное имя и репутация имеют очень большое значение. Мы не подпольные торговцы краденым антиквариатом, а уважаемая фирма, которую знают не только в России, но и в странах Европы и даже в Соединенных Штатах. И Сергей при всей его внешней несолидности был прекрасным специалистом, глубоким знатоком искусства, серьезным и квалифицированным искусствоведом, с большим опытом работы.

Анна Алексеевна под пристальным взглядом Варвары несколько стушевалась, очевидно, почувствовав если не раскаяние, то во всяком случае некоторое смущение. А у Вари появился шанс получить достаточно полную информацию, касающуюся как самого полотна, так и рокового вечера, после которого оно было похищено. Потому что люди, как правило, бывают наиболее откровенны с собеседником, если ощущают перед ним легкое чувство вины, смущение или иной дискомфорт, не связанный напрямую с предметом беседы.

И действительно, Анна Алексеевна принялась торопливо и довольно подробно излагать историю приобретения картины Репина. Избегая смотреть на свою собеседницу и лишь изредка бросая на нее короткие мимолетные взгляды.

– Картина досталась мужу по наследству. Он у меня программист, к искусству отношения не имеет, так же, как и я. А тут вдруг выяснилось, что в Новосибирске скончался его дальний родственник, кажется, двоюродный дядя. Одинокий человек, все свое имущество он завещал Павлу. Квартиру в Новосибирске мы продали, книги и мебель тоже. Осталось только несколько личных вещей, в том числе и эта картина.

– А какие именно вещи остались? – с интересом спросила Варя.

– Какое это имеет значение? – тут же насторожилась Анна Алексеевна, но почти сразу оттаяла и пояснила: – Письменный прибор, часы, навверное, каминные, я не разбираюсь, просто мне они очень понравились, фарфоровый сервиз в отличном состоянии, несколько хрустальных ваз. Вот, кстати, одна из них, – указала хозяйка на стоящую за ее спиной довольно большую, изящную, но вполне современную вазу из чешского хрустала.

– Понятно. То есть ваш родственник не был коллекционером или искусствоведом? – решила все же уточнить Варя.

– Нет. Он был профессором биохимии. Или что-то в этом роде, – поправляя рыжеватые пряди стриженных волос, пояснила хозяйка. На вид ей было около сорока. С хорошей фигурой,

довольно высокая, с крепкими ногами, вероятно, раньше занималась каким-нибудь спортом, типа лыж, Анна Алексеевна выглядела монументально и решительно.

– Скажите, а вы не в курсе, каким образом к вашему родственнику попала эта картина? – задала Варя следующий немаловажный вопрос. Важный не с точки зрения нахождения картины, а с точки зрения подтверждения ее подлинности.

– Не знаю. Как я уже говорила, Сергей Анатольевич был одиноким человеком, жена и дети его давно умерли, осталась подруга. – Тут Анна Алексеевна как-то неловко улыбнулась и добавила: – Точнее, невеста. Они собирались пожениться, но не успели. Это она нас разыскала и помогла с оформлением наследства.

– Сколько же лет было вашему родственнику? – с интересом спросила Варвара.

– Шестидесят с небольшим, – пояснила Анна Алексеевна, – но он уже давно овдовел, наверное, чувствовал себя одиноко. Алла Юрьевна оказалась очень порядочной женщиной, ничего не захотела себе брать, кроме фотографий, писем и кое-каких личных мелочей покойного. Ну да, мы бы их все равно выбросили. Своего добра девать некуда, вся антресоль хламом забита, – словно извиняясь, пояснила Анна Алексеевна.

– Ясно. Скажите, а можно позвонить этой даме и выяснить, как попала к покойному эта картина?

– Простите, но я не совсем понимаю, какое это имеет отношение к ее нынешней пропаже? – сердито нахмурилась в ответ Анна Алексеевна.

Варя сообразила, что до сих пор никак не продемонстрировала рвения именно в поисках картины.

– Напрямую никакого, – тем не менее, строго нахмутив брови, ответила Варвара, – но возможны какие-то старые связи, конфликты. Когда имеешь дело с произведениями искусства такого уровня, нельзя пренебрегать никакими версиями.

Кажется, Анна Алексеевна впечатлилась, потому что предложила Варваре самой связаться с Аллой Юрьевной и охотно снабдила ее номером телефона.

– А теперь, – перешла Варя к главному, – расскажите мне о том вечере, когда Сергей Алтынский приходил к вам оценивать картину.

– Ну, рассказывать, собственно, не о чем, – пожала плечами Анна Алексеевна. – Когда мы забирали картину, Алла Юрьевна сказала, что картина ценная, подлинник. Но она тоже не искусствовед, и мы решили показать ее специалисту. Идти с ней в комиссионку было бы глупо, да и опасно, вот мы и разыскали среди знакомых Сергея Леонидовича. Платить ему за такой пустяк было неловко, – словно оправдываясь, слукавила Анна Алексеевна, на что Варя едва сдержала улыбку. Любят наши граждане сэкономить на чужой интеллектуальной собственности. – И мы решили просто накрыть стол, так, по-дружески, в знак благодарности. Но затевать большую готовку ради одного гостя нелепо, и муж пригласил к себе нескольких друзей, в тот вечер как раз футбол был, и они решили устроить импровизированный мальчишник, совместить приятное с полезным, – рассказывала Анна Алексеевна, то и дело нервно поправляя волосы. – После ужина мужчины уселись у телевизора, – она кивнула на большую плазму, – а мы с мужем, с вашим коллегой и Андреем Валентиновичем отправились в спальню. Там временно висела картина.

– Простите, а кто такой Андрей Валентинович? – встрепенулась Варя.

– Ну, это сын приятельницы моей тети. Он работает научным сотрудником в каком-то научном институте, Институте искусства, кажется, – с сомнением предположила Анна Алексеевна. – Он, конечно, хороший специалист, но, как сказала тетя, его профиль – западное искусство, кажется, семнадцатый век, – неуверенно пожав плечами, проговорила вопросительно Анна Алексеевна, словно советуясь с Варей. – К тому же он некомпетентен в вопросе цены.

– Да, конечно, – кивнула Варя, в душе уже самодовольно потирая руки. Какой из современных искусствоведов не в состоянии оценить полотно? Открыл Интернет, порылся на спе-

циализированных сайтах, кое-что сопоставил, проанализировал и – «ву а ля». Вот с определением подлинности у него могло быть больше сомнений, учитывая специализацию. Хотя тоже неизвестно. Интересно, что это за НИИ такой? Может Институт истории искусств? В любом случае сейчас не стоит демонстрировать хозяйке чрезмерный интерес к этому «тетушкиному» искусствоведу.

– Скажите, и каково было мнение этого специалиста, он был согласен с оценкой Сергея Леонидовича? – с искренним уважительным интересом поинтересовалась Варя.

– Ну, Андрей Валентинович уже видел картину накануне и тоже был уверен в том, что это подлинник. Но не представлял себе стоимости полотна, – с некоторой неестественной жеманностью, до сих пор у нее не проявлявшейся, проговорила Анна Алексеевна, вероятно, ощущая некоторый внутренний дискомфорт и от ситуации, и от темы беседы. – И тогда мы с мужем вспомнили о вашем коллеге, которого нам рекомендовали общие знакомые, Андрей Валентинович услышал наш разговор и захотел присутствовать, чтобы убедиться в правильности своего мнения по поводу картины. Отказать было неудобно, и мы его пригласили.

– И как я понимаю, их мнения совпали? – уточнила Варя.

– Да. Они что-то обсудили, кажется, технику мазка... или что-то в этом роде, – неуверенно проговорила хозяйка. – Я как-то не запомнила.

– Гм, а потом вы вернулись все вместе к гостям?

– Да. Сергей Леонидович немного посмотрел футбол, выпил чаю и уехал. Остальные разошлись позже, – кивнула Анна Алексеевна.

– А Андрей Валентинович ушел вместе с Сергеем? – невинно поинтересовалась Варя.

– Нет, он ушел раньше. Сразу же после осмотра картины. Он очень стеснительный, замкнутый человек. Знаете, этаким ученый-недотепа, – с легкой снисходительной улыбкой пояснила Анна Алексеевна.

«Ага, знаем мы этих тихих ученых-недотеп», – скривилась в ответ на замечание хозяйки Варя. Самый тихий недотепа, которого она знала, этаким кривой, хромой, худой, шепелявый, словно поеденный молью доцент их кафедры, с виду казавшийся не опасней обыкновенной мухи, едва не завалил ее кандидатскую. Показал такие зубищи – первобытные хищники обзавидовались бы! Так что замечание Анны Алексеевны лишь подкрепило уверенность Варвары в том, что истинный похититель ею найден.

– Скажите, Анна Алексеевна, а не могли бы вы дать мне телефон Андрея Валентиновича, очень хотелось бы получить его профессиональное заключение по картине. Сергей погиб, официального заключения с описанием или хотя бы фотографии полотна у нас нет. Нам было бы проще искать картину, знай мы некоторые живописные особенности полотна, – убедительно увещевала хозяйку Варя, надеясь заполучить телефон стеснительного искусствоведа, желательно рабочий, а еще лучше его фамилию, паспортные данные и адрес.

– Думаю, это будет неудобно. Андрей Валентинович интеллигентный, скромный человек, ему будет неприятно, если из-за нас его втянут в историю с ограблением, – категорично возразила Анна Алексеевна. – Лучше оставьте ваши координаты, я ему передам и попрошу, чтобы он сам вам позвонил.

Ах, вот как? Значит, Сергей был непорядочным, неинтеллигентным, и ему было приятно. И нам заодно с ним? Варя возмущенно ошетибилась на подобное заявление и решила, что незачем скрывать собственные оскорбленные чувства от нагловатой, беспардонной любительницы халявных экспертиз.

– А знаете, Анна Алексеевна, ведь и Сергей был интеллигентным человеком, так же был кандидатом искусствоведения. Его родители образованные, уважаемые люди, мама врач-кардиолог, отец физик-ядерщик, – последнее было чистой выдумкой, Варя понятия не имела, кем являются родители Сергея, – а вы его с легкостью записали в бандиты с большой дороги. Между прочим, мой отец профессор, сотрудник Русского музея, дед и прадед – академики,

и тем не менее я вынуждена сидеть перед вами и выслушивать рассказы о том, что какой-то знакомый вашей тети, интеллигентный человек, который не может иметь никакого отношения к пропаже вашей картины, а мы с Сергеем, значит, можем? Лично я воспринимаю вашу позицию как оскорбление, – вставая с дивана с гордо поднятой головой и расправленными плечами, резко заявила Варя. Бывали у нее временами всплески неумеренной откровенности и правдоис-кательства.

А потому удивило ее не это, а то, что за последние шесть лет это был первый случай, когда Варя с гордостью упомянула о собственном семействе и его регалиях. Может, шок от обучения в Академии прошел?

Вслед за Варей вскочила с места и Анна Алексеевна.

– Простите, конечно, – сдержанным тоном, словно через силу, проговорила она. – Я никого конкретно в краже не обвиняла, версии выдвигала полиция. И к тому же вашего коллегу я видела впервые, а прочие гости были нашими давними друзьями. Надеюсь, вы не ожидали, что я буду их подозревать? – дернула она недовольно плечами, и вся ее призрачная доброжелательность мгновенно испарилась.

– А вам не пришло в голову, что украсть картину мог кто-то третий? Не присутствовавший на вечере? – прищурился глаза, спросила Варя, не сбавляя апломба.

– Да? И кто же, например? – не уступая ей в напоре, уточнила хозяйка.

– Например, ваша тетушка, которая сосватала вам интеллигентного искусствоведа. Или ее подруги, с которыми она простодушно поделилась вашей проблемой. Или ваши знакомые, порекомендовавшие вам Сергея. Или соседи за стенкой, курившие на балконе во время оценки картины и слышавшие ваш с Сергеем разговор через распахнутые окна спальни. Или родственники вашего двоюродного дяди, которым почему-то не досталось наследство, но которые были осведомлены о картине Репина и ее стоимости, или...

– У него не было других родственников, кроме моего мужа! – резко прервала ее Анна Алексеевна. – У нас в спальне кондиционер, и мы не распахиваем окон для проветривания, чтобы с улицы не летела гарь и выхлопные газы, потому что внизу под окнами проспект. Моя тетя не безмозглая болтушка и не вор в законе! А вот вы, на мой взгляд, не профессорская дочь, а аферистка с апломбом, а потому убирайтесь вон из моего дома, и чтобы ноги вашей здесь больше не было, ни вашей, ни других членов вашей банды, а то я в полицию заявлю, – едва сдерживая бешенство, пригрозила Анна Алексеевна.

Пришлось Варе гордо задрать нос и, презрительно фыркнув, топтать на выход.

Глава 7

«Нечего сказать, удачный получился визит, – поздравила саму себя с успехом Варя, спускаясь в лифте. – Просто-таки феерический. И ведь именно сегодня директор при всем коллективе сообщил, что считает ее девицей с мозгами. Жаль, не добавил, что с куриными, – иронично заключила она. – А все характер с имечком пополам. Ведь написано было в книжке, что «у Варвар взбалмошный, тяжелый характер», так зачем было ребенка этим именем называть?»

История с именем раньше частенько всплывала в Вариной семье, когда любимое чадо начинало капризничать. И, разумеется, ни капли здравого смысла в привязке Вариних поступков к особенностям имени не было, но в детскую голову все же это запало. И иногда очень уместно вспоминалось, как, например, сейчас.

– О-хо-хонюшки-хо-хо, – тяжело вздыхая, вышла из лифта Варя. И что теперь делать? Как доложить о собственной выходке начальству? И ведь как все хорошо начиналось. Ей даже удалось наладить позитивный контакт с Булавиной. Вот спрашивается, куда ее понесло под занавес? Теперь у нее нет ни телефона искусствоведа, ни его фамилии. Хорошо хоть телефон Аллы Юрьевны успела получить.

Пока Варя сидела в гостях, на улице успел пройти короткий летний ливень. И теперь приходилось скакать через лужи, чтобы не испортить босоножки. Варя, красная от расстройства, с надутыми от разочарования губами, брела к метро вдоль кромки тротуара, угрюмо глядя себе под ноги, перебирая все подробности состоявшейся беседы, когда ее накрыло чуть ли не с головой фонтаном мутной грязи.

– А-а! – взвизгнула Варя от неожиданности, отпрыгивая в сторону. Но было слишком поздно. Светлое льняное платье было похоже на половую тряпку. По ногам стекали черные мазутные струйки, босоножки навеки погибли.

Проходящие мимо люди шарахались от нее как от прокаженной. Варя не выдержала и разревелась. А облившая ее машина, аккуратно притормозив, сдала назад и остановилась перед рыдающей Варварой.

Дверца хлопнула, кто-то вышел из машины. Варя торопливо отвернулась, пытаясь найти в сумочке платочек или хотя бы бумажные носовые платки. «Платье испорчено, босоножки тоже, так еще и физиономия теперь на свеклу похожа, с таким лицом ругаться несподручно», – нервничала Варвара, страстно желающая высказать хаму все, что думает о его манере езды.

– Простите, девушка, ради бога! – полным раскаяния голосом проговорил водитель провинившейся иномарки.

Варя отвернулась. Платки не находились. Хоть локтем нос вытирай.

– Вот, возьмите мой платок, – словно в ответ на ее мысли, услужливо проговорил водитель, протягивая ей большой чистый и свежеотглаженный платок.

После секундного колебания Варя его все же взяла и, утерев аккуратно слезы пополам с тушью, в завершение высморкалась в него и украдкой взглянула на виновника своего несчастья.

Мужчина был молод, даже очень. Не старше тридцати. Хорошо одет и симпатичен. А она на что похожа? Варя в панике засуетилась, ища на этот раз зеркало. Ругаться с симпатичным и услужливым водителем ей расхотелось.

– Я приношу вам свои искренние извинения, – тем временем убедительно и настойчиво говорил незнакомец, – но меня прижали к обочине, и было просто некуда деваться. Я, кажется, безнадежно испортил вам платье. Да и обувь тоже, – волновался он, то и дело пытаясь заглянуть Варе в лицо.

– Совершенно верно, – подтвердила Варя, поворачиваясь наконец к своему обидчику. Лицо, к счастью, распухнуть еще не успело, да и макияж до конца не размазался. Эти факторы помогли Варе обрести прежнюю уверенность и боевой задор. – Платье испорчено, босоножки тоже. А вам стоит ездить поаккуратнее, чтобы вас не притирали к лужам. И вообще, какое мне дело до ваших оправданий? – вопреки своим недавним намерениям, бросилась в атаку Варвара, отчитывая резким тоном водителя. Видимо, день у нее сегодня такой выдался, что она безостановочно со всеми скандалит, абсолютно глупо и бессмысленно. Впрочем, скандалы всегда глупы и бессмысленны, и ничего после них, кроме стыда за собственное безобразное поведение, не остается.

– Вы совершенно правы, – ласково и вежливо, не в пример Варе, ответил незнакомец, – но я знаю неподалеку хорошую химчистку, они оказывают экспресс-услуги и вычистят ваше платье прямо при вас. Разумеется, за мой счет. Если вы позволите.

– А я в это время в чем останусь? – капризно и недоброжелательно спросила Варя, чувствуя себя в душе неблагоприятной грубиянкой.

– Они выдают специальные халаты. Чистые, специально обработанные, – поспешил заверить Варю провинившийся водитель.

Да, этот тип обладает поистине ангельским терпением и истинно рыцарским благородством, заключила Варвара, окончательно оттаивая. Вслух же строго, недовольно проговорила:

– Хорошо. Надеюсь, это действительно недалеко и недолго.

Как будто у нее есть выбор! Да в таком замурзанном виде ее даже в метро не пустят, укорила себя Варя, садясь в белоснежный кожаный салон иномарки. «Надо же, и не жаль ему машину пачкать?» – удивилась она, устраиваясь поудобнее и размазывая по чистым сиденьям впитавшуюся в платье грязь.

Видимо, было не жалко. Потому как, едва машина тронулась, водитель тем же благожелательным тоном спросил, не замерзла ли Варя и не надо ли включить печку.

– Нет, спасибо. А далеко нам ехать?

– Буквально минут пять. Меня, кстати, Даниил зовут. А вас?

– Варвара, – ворчливо ответила девушка, в очередной раз себя устыдившись. А вот Алиса ни за что бы так глупо не опозорилась, мелькнуло у Вари в голове. Гм... А как бы поступила Алиса?

После трехминутного размышления Варя взглянула на своего нового знакомого и нежным, мягким, совершенно не свойственным ей голосом произнесла:

– Извините меня, Даниил, я была недопустимо груба с вами, и спасибо, что согласились помочь.

– Ну, что вы, Варя, это я должен перед вами извиняться, – оживился симпатичный Даниил.

Разумеется, согласилась про себя Варя, но, решив, что вполне способна вести себя столь же разумно, расчетливо и дальновидно, как Алиса, вслух произнесла иное:

– Ну, что вы, даже испорченное платье не может быть оправданием моей грубости. Но у меня сегодня выпал патологически неудачный день, а тут еще эта неприятность, – печально вздохнула Варя, решив, что именно так повела бы себя выдержанная, разумная и предприимчивая секретарша.

– Нет-нет. Вина исключительно моя. На вашем месте любой бы отреагировал так же, – решил посоревноваться с Варей в учтивости Даниил. – А вот мы и приехали. Химчистка.

Даниил вышел из машины и поспешил распахнуть перед Варей дверь, подал руку и заботливо помог подняться по ступеням.

– Девушка, нам нужна срочная химчистка платья, – указал он рукой на заляпанное грязью платье своей спутницы.

– Разумеется, пройдемте, – пригласила Варю за прилавок стройная блондинка в неприлично коротком халате. Длина халата и выпирающие из него пышные формы сотрудницы навели Варю на мысль, а химчистка ли это? А то вдруг подпольный бордель.

Нет, кажется, химчистка, решила Варя, пройдя в небольшую комнату и получив белый махровый халат в обмен на платье.

Девушка сразу умчалась, попросив Варю подождать полчаса и полистать журналы. Так Варя и сделала.

Когда сорок минут спустя она вышла на крыльцо химчистки в идеально чистом платье и почти отмытых босоножках, то с удивлением увидела стоящего возле своей машины Даниила.

– Операцию по спасению платья можно считать успешно завершенной, – радостно улыбаясь Варю, словно старой знакомой, проговорил Даниил, распахивая перед ней дверцу.

Варя, словно замороженная, подошла к машине. А она-то была уверена, что Даниил, оплатив химчистку ее платья, давно отбыл по своим делам. И даже позволила себе немножко романтических фантазий на его счет, сучая в ожидании платья. А он не уехал.

Чем объяснить подобный феномен, Варя не знала. Девять из десяти девиц от пятнадцати до тридцати пяти объяснили бы подобное происшествие самым простым и очевидным образом: Даниил просто запал на нее.

Но Варя в силу воспитания и интеллекта никогда не относилась к этим девяти десяткам. А потому подозрительно прищурилась, как делала всегда в минуты затруднений, и пытливо взглянула на Даниила, не спеша усевшись в радушно распахнутую машину.

Даниил глупо улыбался возле открытой двери, а Варя молча рассматривала его, не спеша садиться и перебирая в голове все возможные резоны неестественно услужливого, воспитанного и симпатичного типа. Наконец до него дошла некоторая странность происходящего, он озадаченно моргнул, присмотрелся к Варю и растерянно, словно оправдываясь, проговорил:

– Я хотел довести вас до дома, ведь обувь тоже испорчена, к тому же вы потеряли из-за меня кучу времени.

– Могли бы вызвать такси. К чему такие хлопоты? – все так же пристально изучая своего случайного знакомого, проговорила Варя без тени улыбки.

– Да, конечно, – согласился Даниил, а потом улыбнулся, просто, открыто, по-дружески. – Как-то не сообразил, – растерянно пожал он плечами. – Сам я такси не пользуюсь, все время за рулем, вот и не догадался. Ну, так что, едем или тебе такси вызвать?

– Ладно, – согласилась милостиво Варя после короткого колебания, забывая о том, как должна вести себя искушенная, коварная, предприимчивая девушка. Такая, как Алиса. – Но я живу на «Академической», – честно предупредила она. Хочется ему тащиться на другой конец города, на здоровье. Она возражать не станет.

– Прекрасно. Оказывается, мы с вами соседи, – еще больше оживился Даниил и усадил капризную, неблагодарную барышню в машину.

– Да, мама. Хорошо, мама. Я готовлю, мама. Конечно, салат. И мясо тоже, – согласно кивала Варя, облизывая ложку, которой лопала мороженое из пластмассового контейнера на ужин. Никакой салат и тем более мясо она, естественно, готовить не собиралась. Но не расстраивать же маму? Бедная мама все еще рефлекторно пыталась опекать ее, следить за здоровым питанием, проверять, не забыла ли она зонт или бутылку с водой в жаркую погоду. Варя, будучи воспитанной домашней девочкой, не бунтовала, предпочитая политику тихого соглашательства, прекрасно понимая, что мама не приедет ее проверять. Когда поток маминых наставлений иссяк, Варя пожелала родителям доброй ночи и вернулась к собственным невеселым думам.

Как ей быть и что она скажет начальству по поводу сегодняшней встречи с Булавиной?

Обманывать Варя не любила и не умела. Вранье выходило какое-то неубедительное, а потому и позориться не стоит. Говорить правду было стыдно и недальновидно, можно навсегда потерять и репутацию, и доверие начальства, а вслед за ними и рабочее место. А этого допустить Варя категорически не могла. Не из материальных соображений. Из моральных. Увольнение по причине профнепригодности – несмыаемый позор, а Варе стрессов в жизни и без того предостаточно.

Что же делать? Варя раскрыла ноутбук и набрала «Институт истории искусств, сектор изобразительных искусств», а потом список сотрудников. После несложных и непродолжительных поисков Варе удалось обнаружить единственного сотрудника с подходящими инициалами: Зелинский А. В. Оставалось позвонить тете Лене и спросить, знает она этого Зелинского и как его зовут.

Контактов с друзьями семьи, точнее друзьями родителей, Варя в работе старалась избегать. Поскольку считала, что это все равно что обращаться непосредственно к папе с мамой. Но делать было нечего. Она сама своей несдержанностью загнала себя в тупик. Тетя Лена работала директором института, и звонок ей мгновенно решил бы все Варины затруднения. Можно, конечно, позвонить Владу и попросить его спросить у мамы, как зовут Зелинского, но это было еще большим ребячеством. Варя уже потянулась за телефоном, когда в голову ей пришла неожиданная авантюрная мысль. К сожалению, осуществить ее можно только завтра утром, но зато, если все выгорит, не придется беспокоить тетю Лену и вопрос будет решен по-взрослому самостоятельно.

Страшно обрадовавшись собственной сообразительности, Варя отложила телефон, включила телевизор, притянула к себе под бок Шкипера, рыжего, толстого, похожего на свалывшийся клубок шерсти кота редкой породы «богемский рекс». Свое имя Шкипер получил за выражение морды. Еще с детства его круглую щекастую физиономию украшали длинные обвислые усы, придававшие ей ворчливое, надменное выражение, как у старого морского волка. А вот характер у Шкипера был не в пример физиономии веселый и жизнерадостный. Настолько жизнерадостный, что Ксюшка не рискнула тащить его с собою в Штаты, и желающих взять Шкипера на передержку тоже не нашлось. И вот именно благодаря шкодливому Шкиперу Варвара заполучила возможность переехать в Ксюшины апартаменты. Няньчиться с котом.

– Добрый день, позовите, пожалуйста, Андрея Валентиновича, – деловым тоном попросила Варвара, набрав номер сектора изобразительного искусства. Это и был ее хитрый план, позвонить в отдел и методом «тыка» выяснить, работает ли в институте нужный ей субъект.

– Кого, простите? – рассеянно переспросил в трубке женский голос.

– Зелинского, – рискнула уточнить Варя.

– Ах, Андрея Валентиновича, – словно очнувшись, переспросил голос. – Минуту. Андрей Валентинович, это вас.

Ну, ничего себе! А что теперь делать? Бросить трубку? – заволновалась Варя, огорошенная столь быстрым и неожиданным успехом. А, с какой стати? Не-ет, надо немедленно договориться о встрече и прямо сейчас ехать к нему. Такое рвение и предприимчивость Каменков точно оценит. Варвара настроилась на нужный лад.

– Аллю, слушаю, – мягко, интеллигентно, с легкой запинкой проговорил незнакомый голос.

– Андрей Валентинович, добрый день. Меня зовут Варвара Николаевна Доронченкова. – В глубине души Варя понадеялась, что ее фамилия может сыграть ей на руку, на кандидата искусствоведения она точно должна оказать должное воздействие. – Я звоню вам по поводу пропавшего портрета Всеволода Гаршина кисти Репина, который вы осматривали несколько дней назад. Мне очень нужна ваша консультация. Вы не согласились бы со мной встретиться?

Вопрос был поставлен таким образом, словно Варю интересовал сугубо искусствоведческий аспект картины, а не история ее пропажи. Сделано это было умышленно, и Андрей Валентинович «купился», хоть и после короткой заминки.

– Не знаю, право, чем смогу вам помочь, я видел эту картину всего дважды и не являюсь знатоком творчества Репина. Но если вы...

– Да, да. Я смогу быть у вас примерно через час. Как мне вас найти? На каком этаже располагается сектор? Я бывала в вашем институте, но только на конференциях, – тараторила Варя, чтобы не дать Зелинскому собраться с мыслями и передумать.

– На третьем. Вы легко нас найдете, – пустился в подробные объяснения Андрей Валентинович. Варя слушала его вполуха. «Институт – не лабиринт Минотавра, и без его объяснений обойдусь», – торопливо натягивая с трудом отмытые после вчерашнего купания босоножки, думала Варя.

Зелинский оказался высоким худощавым неврастеником лет тридцати пяти. Его бледное лицо с правильными, тонкими чертами и крупным ровным носом было бы красиво, если бы не тревожный, беспокойный взгляд. Темные, густые, модно подстриженные волосы выглядели неряшливыми и жирными, а тонкие, изящные пальцы слегка подрагивали, довершая картину душевного неблагополучия.

«Бедняга, – отметила про себя Варя, – наверное, был в детстве юным гением, и родители затаскали его по музыкальным школам и иностранным языкам, пока у мальчика не развился невроз». В их элитной гимназии встречались подобные случаи, когда родители, движимые собственными нереализованными амбициями, доводили любимых чад до нервных срывов, энурезов и прочих неприятностей.

– Добрый день, – протягивая руку, энергично поздоровалась Варя, решив, что бодрый, оптимистичный тон будет приятен неуравновешенному, мнительному Зелинскому. – Варвара Николаевна. Я вам звонила насчет Репина.

– Да, да. Присаживайтесь, – с легкой запинкой предложил Андрей Валентинович. – Очень приятно.

– А я к вам в связи со смертью Сергея Алтынского, помните, вы с ним Репина вместе осматривали, – тем же бодрым тоном проговорила Варя. – Его, знаете ли, обвинили в краже Репина, а он утонул. Вы же знаете о краже? – глядя в глаза побледневшему до синевы Андрею Валентиновичу, спросила Варя.

– Да, – нервно сглотнув, кивнул Зелинский, а потом, крепко сжав ладони и даже зажав их для надежности коленками, произнес горестно надрывным тоном: – Так я и знал! Так и знал!

– Что вы знали? Что вас вычислят? – несколько бестактно и прямолинейно спросила Варя.

– Что, простите? – очнувшись от своих тяжких дум, переспросил Андрей Валентинович.

– Что вы знали? – передумала лезть на рожон Варя.

– Что ее похитят и вывезут за рубеж, – охотно пояснил Андрей Валентинович.

– А почему за рубеж? – с интересом спросила Варя. Кажется, господин Зелинский и впрямь осведомлен о случившемся. Неспроста.

– Ну, как же. Все лучшее, ценное, истинные шедевры вывозятся, распродают, разбазаиваются! – с горячностью проговорил он. – Я предупреждал, я просил их ни в коем случае не продавать ее, сохранить для потомков, проявить благородство и пожертвовать в музей.

– Что сделать? – недоверчиво переспросила Варя. Он либо хитрый двуличный тип, либо блаженный.

– Пожертвовать. Зачем им это полотно? Они ничего не смыслят в живописи. Продать? Купить на вырученные деньги машину? Кусок формованного железа? А дальше? А так о них бы написали газеты, могли бы стать уважаемыми людьми, – искренне, увлеченно рассуждал Андрей Валентинович.

«Нет, этот вряд ли украл», – разочарованно заключила Варя. Но все же решила поинтересоваться его мнением по поводу происшедшего:

– А как вы думаете, кто мог это сделать? Ведь вы были там накануне кражи.

– Полиция сказала, что тот самый оценщик, Сергей Леонидович, кажется, – хмуря озабоченно лоб, проговорил Зелинский.

– Нет, он этого не делал. Я его коллега, мы вместе работали, и теперь после смерти Сергея мы все решили заняться поисками полотна, чтобы очистить погибшего товарища от грязного пятна, марающего его честное имя, – провозгласила Варя, внутренне поморщившись. В подобном напыщенном стиле очень любят изъясняться наши чиновники, обещая народу наступление в ближайшее время райской жизни. Но Зелинский воспринял ее речь весьма позитивно и с пониманием.

– Да что вы? Это замечательно! Сергею Леонидовичу очень повезло, что у него такие коллеги. И знаете что? Я тоже займусь этим вопросом. Картина кисти Репина не должна покинуть пределы нашей Родины! Мы вместе будем искать картину! Я сегодня же встречусь с хозяевами картины и выясню, кто мог это сделать, наверняка они слишком много о ней говорили в неподходящей компании. И вот результат. Владельцам подобных ценностей стоит быть осторожней.

С последним заявлением Варя не могла не согласиться. И с удовольствием обменялась с Зелинским телефонами.

– А по вашему мнению, картина действительно принадлежит кисти Репина? – записав Зелинского в «свои», спросила Варя.

– Безусловно. Хотя я и не специалист, но и ваш коллега пришел к тому же мнению. После первого знакомства с полотном я специально пролистал кое-какую литературу и пришел к выводу, что это пропавший после революции портрет Гаршина, который Репин использовал в дальнейшем для работы над образом царевича Ивана, – с обычной, вероятно, для него горячностью поведал Зелинский. Он вообще, как все нервные люди, отличался повышенной эмоциональностью. Но Варя он все же понравился.

Была в нем некая незащищенность, утонченная интеллигентность и чистота души. Хотя излишняя нервозность пугала. Эх, попить бы ему валерьяночки, полечиться в санатории для нервных больных, может, на иглоукалывание походить, размышляла она, рассматривая своего нового знакомого, и цены бы ему не было. Еще бы и личную жизнь устроил. Варя отчего-то была уверена, что Андрей Валентинович не женат.

Ведь симпатичный мужик по большому счету, продолжала рассуждать Варя. И высокий, и лицо приятное, и плечи широкие. Мускулатуры, конечно, нет, но это дело поправимое, да и вообще, не главное. Главное – интеллект и характер. А они как раз есть.

Да, такой украсть точно не мог. Как это и ни печально для Вариного расследования.

Расстались они с Зелинским почти друзьями. Прощаясь, тот даже осмелился робко поинтересоваться, не является ли Варя родственницей Николая Павловича. Является, призналась Варя и с удовольствием отметила уважительный блеск в глазах собеседника.

Удивительно, за последние несколько дней она без всякой видимой причины несколько раз упоминала о своем семействе и всякий раз без негативных последствий. «Может, еще и не придется фамилию менять?» – неуверенно, с удивлением подумала Варя.

Глава 8

Июль 1895 г.

Небольшая, уютная дача с двумя террасами и зеленым мезонином, которую сняли на лето Ковалевы и у которых с начала июня гостила Елизавета Николаевна Савелова, раскинулась в тени старого, заросшего тонкой мягкой осокой сада. В распахнутые окна дома освежающими, теплыми, душистыми волнами вливался свежий ветерок с реки, трепал белоснежные кружевные занавески. Источали сладостный аромат садовые лилии, пионы яркими мохнатыми шапками кивали благодарно ветру. Жужжали мухи, носились деловитые пчелы, мохнатые тяжеловесные имели реяли неторопливо над клумбами, заботливо разбитыми возле дома Лидией Николаевной, младшей сестрой Елизаветы Николаевны, степенной матерью большого многолюдного семейства. Ее супруг, инженер Ковалев, приехавший в конце недели навестить свое семейство, сидел в плетеном кресле под яблоней в одной легкой рубашке и дремал, прикрывшись газетой. Дети с няней и гувернанткой унеслись на речку, Лидия Николаевна хлопотала по хозяйству, а Елизавета Николаевна с сачком охотилась на бабочек на раскинувшимся за домом пестром, многоцветном лугу.

Ленивое жаркое марево заволокло собой струящиеся от зноя просторы, мирный покой окутывал каждую травинку на лугу, каждый листик старого сада, и, казалось, ничто не в состоянии нарушить эту божественную безмятежность.

Вечером пили чай на террасе, потом играли в фанты и дружно смеялись над маленькой Верочкой, со всей детской серьезностью исполнявшей испанский танец. Потом зашли соседи, снова пили чай, пели. Лидия Николаевна музицировала. Разошлись поздно.

Елизавета Николаевна, занимавшая угловую комнату, выходящую окнами на луг, быстро разделась и, едва коснувшись подушки, мгновенно заснула сладостным безмятежным сном, какой дарит приятная дневная усталость после счастливо проведенного дня.

Из сладкого царства Морфея ее вырвал резкий, пронзительный, полный ужаса крик, разорвавший в клочья покой и тишину летней ночи. И непонятно было, кто кричал, мужчина или женщина.

В комнате царила непроглядная густая тьма, и Елизавета Николаевна дрожавшими от страха руками долго, панически-судорожно, бестолково шарила по прикроватному столику в поисках спичек, с ужасом прислушиваясь к чьему-то хриплому прерывистому дыханию в комнате, сопровождаемому не то стонами, не то всхлипами. К счастью, на этот крик бежали все домашние. И пока Елизавета Николаевна, все еще сидя в постели, с бешено стучащим сердцем, пыталась отыскать спички, на пороге ее комнаты со свечой в руке уже стояли Виктор Владимирович с Лидией Николаевной, кухарка, горничная, бледная как полотно, гувернантка, пытающаяся отправить прочь старшего сына Ковалевых, Владимира, отчаянно рвущегося в комнату, и садовник Семен с вилами наперевес.

Посреди комнаты в слабом, желтом круге света, даваемого единственной горящей свечой, лежал незнакомец.

Загорелый почти до черноты, с кудлатыми, словно свалявшаяся собачья шерсть, черными густыми волосами, крупный, кряжистый, словно корявый, в просторной холщовой рубахе и серых заплатанных штанах, он казался диковатым и весьма опасным. Такие, как он, с кистенями в полночь по глухим дорогам бродят. Но сейчас, лежа посреди слабо освещенной, наполненной людьми комнаты, он выглядел насмерть перепуганным, беспомощным и каким-то жалким.

Елизавета Николаевна оправилась от испуга, зажгла наконец свечу и, накинув халат, села на кровати.

Виктор Владимирович вместе со сторожем попытались допросить разбойника, но тот лишь мычал, таращился на всех полными ужаса бессмысленными глазами и тихо, беззвучно плакал.

Кухарка Параша принесла с кухни и теперь совала ему в руку стакан с водой, а Лидия Николаевна с Виктором Владимировичем перешептывались, не позвать ли доктора. Горничная уговаривала послать за полицией. Гувернантка шептала на ухо юному Владимиру что-то нравоучительное. Незнакомец же лишь дико таращился, жался к ногам кухарки и тихонько подвывал.

Однако доктора приглашать не пришлось. Мужик, отпившись водицы, попросил водки и, выпив без всякой закуски полстакана, окончательно пришел в себя. Краснея, заикаясь и кланяясь, он все косился куда-то на стену, потом попросил дозволения выйти на воздух и уж там наконец поведал о происшествии.

– Прости, барин, – крестясь и кланяясь, пробасил мужик. – Это я от нужды к вам залез. А то б ни в жисть. В город я поехал, баловство, конечно, но больно хотелось деньжат заработать, жениться хочу, – краснея, поделился он сокровенным, – а в хозяйстве братовья без меня и сами справятся. На стройке я работал целый месяц, денег заплатили хорошо, а Маратка-татарин пристал как клещ, надоть первую получку отметить. Я сперва и не хотел, а все ж пошли в кабак, вот все и спустил в одну ночь, – тяжело вздыхая и утирая нос рукавом, рассказывал мужик. – Он же, антихрист, меня небось и обобрал. А еще я спьяну морду одному та-ак начистил. Наши-то и говорят, беги скорей отсюда, пока не посадили, а то еще и на каторгу спровадят, если тот-то помрет. Рука у меня больно тяжелая. Ну, я и побег домой, а денег-то нету. Два дня не жравши, – еще раз тяжело и протяжно вздохнул мужик, а Елизавета Николаевна, завороченно глядя на его огромные кулаки, вдруг отчего-то вспомнила, что он только что выпил целый стакан водки и не закусил. – Вот сегодня пробираюсь мимо вашей дачи, и так у вас тут хорошо, душевно поют... И пирогами пахнет с черникой, – тоскливо ссутулившись, говорил страдалец. – Дождусь, думаю, ночи, заберусь потихоньку, хоть пирога стащу, а повезет, так, может, и пару рубликов. Простите уж Христа ради. От нужды это все.

– А чего кричал-то? – вспомнил вдруг Виктор Владимирович, пока кухарка утирала фартуком жалостливые слезы, а прочие дамы и барышни с любопытством разглядывали гостя.

– Кричал? – мгновенно бледнея, переспросил мужик. – Так это... – Он боязливо оглянулся на дом, перекрестился часто и истово и закончил почти шепотом: – Мужик ентот, – он вытянул шею и еще тише продолжил: – На стене. Я, когда в комнату залез, смотрю, барыня спит, хорошо так, крепко. Ну, думаю, загляну в комод, авось повезет, только я к нему глаза зачем-то поднял, а там он... – Говорить дальше мужик не смог, закрестился, задергался, пришлось снова водки давать.

Но теперь уж все обитатели дачи слушали его, затаив дыхание, предчувствуя какую-то жутковатую тайну.

– Мужик ентот, что тамо на стене висит, ужсе возле комода стоит и смотрит на меня, а глаза жуткие, как у ентото, прости господи... – Мужик произносить слова не стал, а только скосил глаза вниз и снова закрестился. – Огнем горят, а сам головой качает, мол, нехорошо это, нельзя. А потом потянулся весь и в картину в тую шмыг. Тут уж я и заблажил что было мочи. Отродясь страха такого не видел.

Он отдышался от волнительного рассказа, а потом спросил тихонько, жалобно:

– Мне б поесть чего, хоть бы хлебушка чуток?

– Параша, накорми его, пусть у Семена переночует, – распорядилась Лидия Николаевна, – а завтра собери ему чего с собой, и пусть идет. Хотя... Протасовым вроде садовник был нужен... Виктор Владимирович, вы что думаете?

– Не знаю, – неуверенно проговорил Виктор Владимирович, глядя на огромные руки и кудлатую голову гостя.

– Я в садовники очень даже могу, – оживился мужичок, приглаживая свою диковатую гриву. – Я и за садом, и за огородом, и за сторожкой, а с вишиком я ни-ни. Это Маратка, антихрист, подсуропил, – горячо убеждал он, искательски заглядывая в глаза то хозяину, то хозяйке.

– Ладно. Иди пока, – велел Виктор Владимирович. – Завтра решим.

И Параша увела его на кухню.

– Так, Владимир, немедленно в кровать, – строго распорядилась гувернантка, кладя руку на плечо своему воспитаннику, едва ночного гостя увели с террасы. Владимир, понимая, что все интересное уже закончилось, пожелав всем покойного сна, позевывая, позволил себя увести.

– Чаю, что ли, выпить, – ворчливо проговорил Виктор Владимирович, потирая глаза. – Теперь уж, наверное, будет и не заснуть. Попроси, Лидию? Интересно, что это он насочинял про мужика какого-то? Пьян, что ли, был уже?

– Да, может, настоящей живописи никогда в жизни не видал, вот и перепугался. Все же Всеволод Михайлович на портрете как живой. Да и взгляд у него такой удивительный, я и сама не раз замечала. Обернешься иногда, а он будто за тобою по комнате следует, – возвращаясь на террасу с чашками, проговорила Лидия Николаевна. – Лизонька, ты, наверное, испугалась, бедняжка! Проснуться от жуткого воя, и вдруг этакая страхолюдина в комнате! – подсаживаясь к сестре и обнимая ее за плечи, нервно, словно выпуская испуг беспокойной ночи, проговорила Лидия Николаевна. – И вообще, если подумать, мало ли что он нам сейчас говорит, а вдруг ему не только деньги нужны были? – многозначительно взглянув на мужа, предположила она, еще крепче прижимая к себе сестру. – Может, все же надо было полицию вызвать?

– Да нет. Не похоже, чтобы он врал. Слишком уж был напуган, – успокоил ее Виктор Владимирович. – А внешность, это уж кого как Господь создал. Не думаю, что он опасен. А вам, Елизавета Николаевна, лучше принять что-нибудь на ночь успокаивающее.

Но Елизавета Николаевна, казалось, их не слушала, уйдя глубоко в себя, и даже никак на вопрос зятя не отреагировала, пока он ее повторно не окликнул.

– Что-то мне лечь хочется, – пожаловалась Елизавета Николаевна, отказавшись от успокоительного. – Я, признаться, и испугаться особенно не успела, когда все сбежались, а там уж вроде как и не страшно было, – с виноватой улыбкой пояснила она, поднимаясь. И, пожелав всем спокойной ночи, торопливо ушла к себе.

Закрыв против обыкновения дверь комнаты на ключ, Елизавета Николаевна зажгла свечу, села на кровать и, поджав ноги, уставилась на портрет Всеволода Михайловича.

Елизавета Николаевна и раньше замечала эту удивительную особенность портрета соблезновать, сопереживать. Едва получив его в подарок от Ильи Ефимовича, она приобрела привычку беседовать с ним, находя каждый раз в портрете живой отклик. Временами, когда она глубоко уходила в себя, забываясь, ей даже казалось, что она слышит его голос, и беседа их превращается в полноценный диалог. А уж как удивительно менялось выражение лица на портрете. Оно могло быть и веселым, и печальным, и ироничным, и полным сочувствия. Разумеется, Елизавета Николаевна все эти удивительные свойства портрета приписывала чудесному гению Ильи Ефимовича Репина и собственной одинокой фантазии.

Хотя и было за прошедшие годы несколько странных случаев, после которых весьма современная и рациональная барышня Елизавета Николаевна начинала усиленно интересоваться сомнительными трудами, посвященными переселению души, общению с умершими, и различными древними верованиями. В особенности сильное впечатление произвел на нее

новомодный декадентский роман англичанина Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Она потом неделю по ночам не спала. А все вот из-за чего.

Глава 9

«Сейчас еще двенадцать, можно бы поехать в офис», – размышляла Варя. Но отчего-то не хотелось.

А хотелось пройтись по магазинам, на дворе стояла середина июля, жаркая пора распродаж. И Варвара, будучи истинной женщиной, к тому же не обремененной нормированным рабочим днем, развернулась в сторону Невского проспекта и шагнула с тротуара, готовясь перейти улицу. Тут же раздался визг тормозов, и Варвара растянулась на чем-то пыльном капоте.

– Девушка, что же вы на дорогу не смотрите? – раздался над ухом чей-то встревоженный голос, а в следующее мгновение чьи-то сильные крепкие руки оторвали ее от капота, дрожащую и до смерти перепуганную. – Варвара? – удивленно спросил тот же голос, когда оторванная от капота Варя была приведена в вертикальное, хотя и шаткое положение.

Варя смахнула струящийся по лицу холодный пот и взглянула на обладателя голоса.

Это был Даниил.

– Опять вы? – хриплым от пережитого стресса голосом спросила Варя, едва держась на ногах.

– Именно, – кивнул Даниил, все еще тревожно глядя на Варю. – Вы как себя чувствуете, ничего не болит?

Варя попыталась сообразить, как она себя чувствует. Руки-ноги вроде целы, синяк только и небольшая ссадина на колене. Ребра, бок, голова, вроде все ничего.

– Кажется, нормально, – с облегчением выдохнула Варя и твердо встала на ноги.

Даниил с облегчением выдохнул и тоже утер со лба пот. Видно, и ему досталось.

– Садитесь, Варвара, – велел он строгим и усталым голосом.

– Это еще зачем? – тут же насторожилась легкомысленная любительница шопинга.

– Для всеобщей безопасности, – беря девушку под локоть, объяснил Даниил. – Вы куда направлялись?

– В «Галерею». Да теперь что-то уже не хочется.

Даниил внимательно посмотрел на девушку, ничего ей не ответил и, тронув машину с места, аккуратно влился в поток транспорта.

Ехали они недолго.

– Уже приехали? – вынырнула из пучины своих переживаний Варя, когда машина остановилась возле гостиницы «Астория». Он что, просто прокатил ее вокруг площади?

– Да, – решительно ответил Даниил, выходя из машины и распахивая Варину дверцу. – Идемте.

– Зачем? – не спеша покинуть машину, настороженно спросила Варя. Мужчины приличных девушек, как гласит художественная литература, в гостиницы не приглашают.

– Надо вас напоить чаем и накормить пирожными, а то ваш зеленый цвет лица плохо гармонирует с вашим костюмом.

Варя глупо посмотрела на свой песочного цвета костюм.

– Пойдемте, – улыбнулся Даниил, – после такого стресса вам нужны положительные эмоции. Вы пирожные любите?

– Да, – все так же заторможенно ответила Варя.

– На диетах не сидите?

– Нет.

– Тогда пошли. Будете хорошо себя вести, еще и мороженое куплю, – как маленькой пообещал ей Даниил.

И Варя, наконец, очнулась. Засмушалась, раздумялась и вылезла из машины.

– И так, Варенька, вам не кажется, что наши встречи приобрели какой-то фатальный характер? – чуть насмешливо глядя на Варю, спросил Даниил, когда она, уже успокоенная, с нормальным цветом лица, вернулась из дамской комнаты.

– Вы что, намекаете, что я вас преследую? – возмущенно приподняв бровь, уточнила Варя, которую и саму несколько озадачила частота и странность их встреч.

– Ни в коем случае. Я намекаю на то, что кто-то свыше то и дело сталкивает нас самым непредсказуемым образом. Судьба, рок или ангелы-хранители. Выбирайте, – по-прежнему улыбаясь, предложил Даниил. – А потому предлагаю с ними не спорить, а хотя бы познакомиться.

Варя снова подозрительно прищурилась. Все детство и юность мама и бабушка внушали ей, что знакомиться на улице – дурной тон. Это неприлично и опасно. Не сказать чтобы Варя была чрезмерно озабочена приличиями или так уж безоговорочно слушала свою маму, но сводки криминальных новостей, которые регулярно проходили по телевидению, всячески подтверждали разумность маминых советов.

Поняв, что имеет дело с человеком серьезным, подозрительным и не склонным к сомнительному флирту, Даниил проглотил разочарование, но продолжил:

– Меня, к примеру, зовут Даниил Сергеевич Самарин. Я работаю в компании «Алколенд», занимающейся поставками европейской алкогольной продукции в Россию, возглавляю Северо-Западный филиал нашей компании. Имею двенадцатилетний стаж вождения и еще ни разу никого не сбил до сегодняшнего дня. Даже серьезных аварий никогда не было. Теперь вы.

Девушка, несмотря на все его усилия, смотрела прежним строгим взглядом, не хихикала, не кокетничала и глазки не строила. Ну и фрунт, присвистнул про себя Даниил. Таких штук ему встречать еще не приходилось. Ладно бы еще красавица была неземная, тогда понятно. А так? Ну, фигурка ничего, по пятибалльной шкале на твердую четверку потянет. Личико? Тоже на четыре. Без изъянов, нос прямой, глаза большие, овал лица... овал, короче. Но и изюминки тоже нет. Короче, середнячок. А потому, по расчетам Даниила, оценивавшего себя любимого на твердую пятерку, девушка должна была уже давно млеть и таять от счастья, облаканная его вниманием. Так учили жизнь и практика.

Обычно девушки начинали с ним кокетничать, стоило ему просто улыбнуться, а уж после поездки на дорогой иномарке и похода в кафе или ресторан считали своим долгом устроить на него охоту. Прицельно стреляли глазами, заманивали откровенными декольте и улыбками. Даниил к этому привык и воспринимал как должное. А вот как вести себя с неприступной Варварой, он вообще не понимал, чувствовал себя законченным дураком и натужно улыбался, продолжая использовать отработанные приемы и понимая в душе, что пора менять тактику.

Варя задумчиво рассматривала нового знакомого, прикидывая, насколько можно ему доверять и какая степень откровенности допустима при подобных неординарных обстоятельствах.

Даниил был хорош собой. Даже весьма. Но Варвара, в отличие от большинства сверстниц, не рассматривала этот факт как великое достоинство. С лица, как говаривала ее бабушка, воды не пить. И была абсолютно права. Внешность в мужике – дело распоследнее и ничего, кроме пустого самодовольства, капризов и дутого самомнения, не сулит. Такого обхаживать надо, ублажать и беречь. То есть Варя такое сокровище и даром не надо. Но в данном конкретном случае у Даниила помимо внешности имелись, по всей видимости, и иные достоинства. Кажется, он был еще и умен, поскольку занимал солидную должность, напорист, уверен в себе и, наверное, образован. Хотя последнее нуждалось в проверке, поскольку Варя считала, что диплом о высшем образовании и образованность – вещи суть разные.

И наконец, самое главное, Даниил зарекомендовал себя как человек воспитанный, отзывчивый и учтивый. Последние два качества в нынешние прагматичные времена торжества

потребителей были почти что музейной редкостью. И Варя, приняв наконец решение, после продолжительной паузы проговорила:

– Варвара Николаевна Доронченкова. Искусствовед. – Сообщать место работы и домашний адрес она не собиралась. Хватит с Даниила пока и этого.

Даниил капризничать не стал. С облегчением улыбнулся и любезно сообщил:

– Очень приятно. Так что же вы, Варенька, думаете о странных причудах судьбы? – вернулся он к намеченной теме, правда, теперь она не казалась ему такой уж перспективной, а скорее напыщенной и фальшивой.

– Пока ничего. Кроме того, что пять миллионов, вероятно, не так уж много, как кажется на слух, – неторопливо отпивая ароматный чай, скептически заметила Варя.

– Пять миллионов? – переспросил озадаченный комментарием Даниил.

– Пять миллионов жителей Петербурга, – пояснила Варя. – А вероятность нашей встречи, живи мы с вами в какой-нибудь деревне Кукуево, была бы еще выше.

– Ясно, – неуверенно кивнул Даниил и автоматически вернулся к запрограммированной теме: – Куда же вы так спешили, что даже не взглянули на сигнал светофора?

– Об этом я вам уже сообщала. В «Галерею», – ответила Варя, по-прежнему не предпринимая ни малейшей попытки пококотничать. Зато увидев принесенный официантом счет, тут же полезла за кошельком, намереваясь самостоятельно оплатить чай и кусок мангового торта, которым пожелал ее угостить Даниил.

«Умная, независимая, серьезная, образованная интеллектуалка. С такими хлопот не обещаться», – заключил Даниил, но потуг своих наладить с Варей контакт отчего-то не оставил. А подавив тяжелый вздох, натужно улыбнулся и, дотронувшись до Вариной руки, мягко проговорил:

– Варенька, позвольте мне заплатить, все же это я вас пригласил.

– Зачем? – коротко и просто спросила Варвара, глядя на своего нового знакомого. Ну отчего это русские мужики считают, что любую девицу можно получить за три копейки и что халявное пирожное – это предел мечтаний любой, без скидки на социальный статус и образование? Примитивные пигмеи.

Даниил тарасился на Варю, пытаясь найти простой, но веский ответ на ее прямолинейный суховатый вопрос. Она просто уникам, эксклюзив, делился он сам с собой впечатлениями. Даниил был твердо уверен, что все без исключения девицы нашей необъятной родины, да и не только родины, обожают халяву. Для них, вероятно, важна даже не сама по себе халява, а готовность отдельно взятого мужчины тратить свои деньги на них. В смысле на нее, единственную и неповторимую. Но Варвару подобная идея, очевидно, не грела. Не найдя подходящего ответа и внимательно взглянув барышне в глаза, Даниил решил, что правильнее будет не мешать Варе отстаивать собственную независимость. Может, у нее хобби такое?

– Просто мне это было бы приятно, Варенька, – убирая руку, проговорил Даниил вслух. – Впрочем, как вам будет угодно.

Расчет был произведен, спасибо торопливому, услужливому официанту. И кто его дернул этот счет принести? Чай уже выпит, оставалось только выйти на улицу и распрощаться. Но Даниил категорически не мог этого допустить. Два таких из ряда вон выходящих происшествия – и простое «до свидания» под занавес? Нет, так не пойдет.

– Варя, я сейчас еду на Староневский по делам, могу вас подвезти. Мне это не сложно, – придерживая спутницу под локоток, предложил Даниил, покидая «Асторию». – Однажды вы уже позволили мне подвести вас и теперь должны знать, что мне можно доверять, приставать к вам я не буду и в лес не завезу.

Замечание Даниила, к удивлению, задело Варину самолюбие. Кажется, он принял ее за трусливую неврастеничку, страдающую манией преследования. Никакая она не неврасте-

ничка. Просто проявляет здоровую бдительность и считает нахлебничество унижительным. Только и всего. А вот на машине прокатиться можно, раз ему по пути.

– Спасибо, Даниил. Я с удовольствием воспользуюсь вашим предложением, – никак не комментируя его шпильку, ответила Варя, чем приятно удивила своего кавалера.

– Варя, вы сказали, что вы искусствовед, – неспешно двигаясь в потоке транспорта и радуясь плотному движению, вспомнил Даниил. – А какая именно область искусства вас занимает? Музыка, изобразительное искусство, скульптура? Впрочем, с музыкой я, наверное, ошибся, тогда бы вы представились музыковедом, – тут же поправил себя Варин новый знакомый.

– В Академии я занималась живописью. Специализировалась на лучизме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.